

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера <http://filosoff.org/> Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Приятного чтения!

Нравственность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера

Эта книга посвящена нравственному обоснованию того явления, которое философ Роберт Нозик назвал «капиталистическими актами между совершеннолетними, совершенными по взаимному согласию» [1]. В ней рассказывается о системе производства на основе сотрудничества и свободного обмена, где преобладают именно такие акты.

Для начала стоит сказать несколько слов о названии книги – «Нравственность капитализма». Вошедшие в нее эссе связаны с нравственностью капитализма; они не ограничиваются сферой абстрактной нравственной философии, но затрагивают также экономику, логику, историю, литературу и другие дисциплины. Более того, они касаются нравственности капитализма, а не только нравственности свободного обмена. Понятие «капитализм» охватывает не только существующие с незапамятных времен рынки, где происходит обмен товарами и услугами, но также систему, обеспечивающую инновации, создание богатства и общественные изменения и принесшую миллиардам людей благосостояние, которого их предки и представить себе не могли.

Капитализм – это правовая, социальная, экономическая и культурная система, предусматривающая равные права для всех и «вознаграждение по способностям», стимулирующая децентрализованные инновации и метод проб и ошибок – то, что экономист Йозеф Шумпетер назвал «созидательным разрушением», – через механизмы добровольного рыночного обмена. Капиталистическая культура возносит на щит предпринимателей, ученых, людей, не боящихся риска, изобретателей, творцов. Хотя философы пренебрежительно называют ее материалистической (в том числе марксисты, сами отнюдь не чужающиеся материализма), капиталистическая система имеет прежде всего духовную и культурную основу. Как отметила историк Джойс Эпплби в своей недавней работе «Бесконечная революция: история капитализма», «поскольку капитализм представляет собой не просто экономическую, но и культурную систему, его сущность нельзя объяснить одними материальными факторами» [2].

Капитализм – это система культурных, духовных и этических ценностей. Экономисты Дэвид Шваб и Элинор Остром в своем фундаментальном труде о роли норм и правил в функционировании свободной экономики, основанном на постулатах теории игр, подчеркивают: фундамент рынка – нормы, удерживающие нас от воровства и «усиливающие взаимное доверие между людьми» [3].

Капитализм – отнюдь не отрешенная от морали арена столкновения интересов, какой его часто изображают те, кто стремится подорвать или уничтожить эту систему: взаимодействие в его рамках очень во многом определяется этическими нормами и правилами. Более того, капитализм основан на этике, отвергающей грабеж и захваты – способы, которыми сколотили свои состояния большинство богачей в рамках других политико-экономических систем. (На деле во многих странах и в наши дни, и на протяжении почти всей истории человечества считалось и считается, что богатые – это те, кто отобрал что-то у других, прежде всего благодаря доступу к организованной силе, которую сегодня мы называем государством. Хищнические элиты используют эту силу для создания монополий и конфискации продуктов чужого труда через систему налогов. Они кормятся из государственной казны, получают выгоду от установленных государством монополий и ограничения конкуренции. Лишь в условиях капитализма люди богатеют, не становясь при этом преступниками.) Возьмем явление, которое историк Дейрдра Макклоски называет

«основополагающим фактом»: «Сегодня в Британии и других странах, переживших в новое время экономический рост, среднедушевые доходы превосходят соответствующие показатели на 1700-е или 1800-е годы минимум в 16 раз» [4]. Такого в истории человечества еще не бывало. При этом оценка, которую приводит Макклоски, пожалуй, даже слишком осторожна, ведь она не учитывает потрясающие достижения в науке и технике, благодаря которым все культуры мира оказались от нас на расстоянии вытянутой руки.

Капитализм ставит творчество на службу человечеству, уважая и поощряя предприимчивость и инновации – тот неуловимый фактор, благодаря которому наша жизнь так разительно отличается от жизни множества поколений наших предков до XIX столетия. Инновации, изменившие к лучшему жизнь людей, носят не только научно-технический, но и институциональный характер. Новые деловые предприятия самого разного толка на добровольной основе координируют труд огромного числа людей. Новые финансовые рынки и инструменты круглые сутки связывают воедино решения миллиардов индивидов о сбережении и вложении их средств. Новые телекоммуникационные сети объединяют людей, живущих в разных уголках планеты. (Не далее как сегодня я беседовал с друзьями из Финляндии, Марокко, США и России и через Facebook

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* связывался с друзьями и знакомыми в Америке, Канаде, Пакистане, Дании, Франции и Кыргызстане.) Новые виды продукции предоставляют нам такие возможности, о которых предыдущие поколения и мечтать не могли. (Я пишу эти строки на ноутбуке Apple MacBook Pro.) Из-за этих перемен наше общество по множеству параметров резко отличается от всех обществ, существовавших в истории.

Капитализм – не только строительство в том смысле, который вкладывали в это понятие социалистические диктаторы, заставляя своих рабов «строить светлое будущее». Капитализм не просто упорный труд, самопожертвование или усердие – это создание полезных вещей. Те, кто не понимает сути капитализма, с готовностью поддерживают программы по «созданию новых рабочих мест», чтобы люди могли трудиться. Но они не осознают не только сути капитализма, но и сути труда. Есть такая известная история: в одной из азиатских стран экономисту Милтону Фридману показали, как сооружается гигантский канал. Он был удивлен, что множество рабочих вручную, без специального оборудования перелопачивают огромные объемы земли и камней. Ему объяснили: «Вы не понимаете, это программа по созданию рабочих мест». Фридман ответил: «А я-то думал, вы строите канал. Если вы хотите занять работой как можно больше людей, выдайте им ложки вместо лопат».

Меркантилист и сторонник «кумовства» Х. Росс Перро, баллотируясь в президенты США в 1992 году, в ходе предвыборных дебатов сетовал, что Америка покупает у Тайваня компьютерные чипы, а взамен продает ему картофельные чипсы. Перро словно стыдился того, что США наращивают экспорт картофельных чипсов: он, как и Ленин, считал, будто добавленную стоимость имеет только «серьезная» промышленная продукция. В этой связи экономист из Стэнфордского университета Майкл Боскин справедливо заметил: доллар остается долларом независимо от того, на чем он заработан – на картофельных чипсах или компьютерных чипах. Добавленная стоимость – это добавленная стоимость, выращиваете ли вы картошку в Айдахо или обрабатываете кремний в Тайбее. Сравнительное преимущество [5] – ключ к специализации и торговле; труд, создающий что-то полезное, не может быть постыдным – будь то труд фермера, грузчика (как раз сегодня трое грузчиков переставили мебель и книги в моей библиотеке, и я отлично осознаю, как много полезного они для меня сделали), финансиста и так далее. Рынок – а не высокомерные политики-меркантилисты – показывает нам, в каких случаях мы создаем добавленную стоимость, а в отсутствие свободного рынка узнать это нам не дано.

Капитализм – это не обмен масла на яйца на местном рынке, который происходил тысячелетиями. Это создание добавленной стоимости путем мобилизации энергии и изобретательности людей в масштабах, невиданных в истории, обеспечивающее простым людям благосостояние, которое удивило бы самых могущественных и богатых королей, султанов и императоров прошлого. Это слом укоренившихся систем власти, господства и привилегий, открытие всех путей вверх для способных людей. Это замена принуждения убеждением [6]. Это стимулы, побуждающие не завидовать другим, а добиваться большего собственными усилиями [7]. Это то, что позволяет мне и вам жить так, как мы живем.

(Единственное, что было у королей, султанов и императоров и чего нету простых людей сегодня, – это власть над другими и возможность ими повелевать. У них были гигантские дворцы, построенные рабами на деньги, которые были собраны в виде податей, но не имевшие ни отопительной системы, ни кондиционеров; у них были рабы и слуги, но не было стиральных и посудомоечных машин; у них были целые армии гонцов, но не было мобильных телефонов и Wi-Fi; у них были придворные лекари и знахари, но не было обезболивающих, чтобы облегчить страдания, и антибиотиков, чтобы лечить инфекции; они были могущественны, но по сегодняшним меркам бедны как церковные крысы.)

История понятия «капитализм»

В современном мире рыночная экономика, определяемая как система свободного обмена между людьми, обладающими четкими, юридически гарантированными и передаваемыми правами на дефицитные ресурсы, – необходимая предпосылка благосостояния. Однако, как убедительно доказывают специалисты по экономической истории, особенно Дейрдра Макклоски, этого недостаточно. Необходим еще один элемент: этика свободного обмена и производства материальных благ за счет инноваций.

Здесь уместны несколько слов о самом понятии «капитализм». По данным историка Фернана Броделя, слово «капитал» возникло еще в XII–XIII веках: тогда оно обозначало «финансовые средства, запасы товаров, сумму денег или денежный интерес» [8]. Относительно выявленных им многочисленных значений понятия «капиталистический» Бродель иронично замечает: «Это слово... никогда

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* не употреблялось в дружественном ключе» [9]. Понятие «капитализм», имеющее, как правило, негативный смысл, возникло в XIX веке; в частности, французский социалист Луи Блан определял его как «присвоение капитала некоторыми людьми за счет других» [10]. Карл Маркс говорил о «капиталистическом способе производства», а популяризировал термин «капитализм» его рьяный последователь Вернер Зомбарт в своей нашумевшей книге «*Der Moderne Kapitalismus*» («Современный капитализм»), вышедшей в 1912 году. (Друг и соавтор Маркса Фридрих Энгельс считал Зомбарта единственным немецким мыслителем, по-настоящему понимающим марксизм; позднее Зомбарт стал сторонником еще одной антикапиталистической идеологии – национал-социализма, или нацизма.)

Критикуя «капиталистов» и «капиталистический способ производства», Маркс с Энгельсом отмечали, что «буржуазия» (так они называли «класс», владеющий «средствами производства») радикально изменила мир: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!» [11]

Маркс и Энгельс изумлялись не только техническому прогрессу, но и появлению «целых, словно вызванных из-под земли, масс населения» – так оригинально они описали снижение смертности, рост благосостояния, увеличение средней продолжительности жизни людей. Конечно, несмотря на все эти достижения, Маркс и Энгельс выступали за слом «капиталистического способа производства», а точнее – полагали, что он разрушит сам себя и расчистит путь для нового строя – настолько замечательного, что давать хоть малейшее представление о его механизмах не только незачем, но и было бы до оскорбительности антинаучно [12].

Важнее, впрочем, другое: Маркс и Энгельс основывали критику капитализма (по-прежнему сильно влияющую на интеллектуалов во всем мире, несмотря на неспособность всех коммунистических экспериментов выполнить обещания своих творцов) на полной неразберихе с определением «буржуазии», которое они связывали с «капиталистическим способом производства». С одной стороны, этим понятием они обозначают владельцев «капитала», организующих производственные предприятия, а с другой – тех, кто кормится за счет государства и его власти. Последнюю точку зрения Маркс высказывает в одной из своих самых интересных статей на политические темы: «Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров. С другой стороны, политический интерес буржуазии заставлял ее с каждым днем все более усиливать репрессии, то есть ежедневно увеличивать средства и личный состав государственной власти» [13].

Таким образом, с одной стороны, Маркс отождествлял «буржуа» с предпринимателями, сделавшими «производство и потребление всех стран космополитическим», а «национальную замкнутость» невозможной, создавшими «всемирную литературу», обеспечившими «быстрое усовершенствование всех орудий производства и бесконечное облегчение средств сообщения», преодолевшими «упорную ненависть варваров к иностранцам» за счет «низких цен товаров» [14]. С другой стороны, «буржуазией» он называет тех, кто живет за счет «государственного кредита» (в частности, государственных облигаций): «Все современное денежное дело, все банковское хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом. Часть банковского капитала по необходимости вкладывается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковские вклады, капиталы, предоставляемые банкам и распределяемые ими между купцами и промышленниками, частично имеют своим источником дивиденды государственных кредиторов» [15].

По мнению Маркса, «буржуазия» непосредственно участвовала в борьбе за контроль над государственной машиной и извлекала из этого выгоду: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе» [16].

Как отмечает историк Ширли Грюнер, «Маркс считал, что своим определением „буржуазии“ он отразил действительное положение вещей, но на деле он сформулировал лишь весьма скользкое понятие» [17]. В некоторых текстах Маркс обозначает этим понятием предпринимателей-новаторов, организующих

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* производственные предприятия и вкладывающих средства в создание богатства, а в других – тех, кто «прилепился» к государству, живет за счет налогов, лоббирует ограничение конкуренции и свободы торговли: одним словом, тех, кто занимается не созданием богатства, а закреплением за собой права перераспределять или уничтожать богатство других, чтобы рынки не открывались, бедняки оставались бедняками, а общество по-прежнему находилось под их контролем.

Из-за влияния Маркса и его последователя Зомбарта понятие «капитализм» стало общеупотребительным. Стоит вспомнить, что его популяризировали люди, не только путавшие продуктивное предпринимательство и рыночный обмен с жизнью за счет налогов, собранных с других, но и выступавшие за отмену частной собственности, рынка, денег, цен, разделения труда, за демонтаж всего «здания» либерализма: прав личности, свободы совести, свободы слова, равенства всех перед законом и демократического строя с конституционным ограничением полномочий государства.

Нередко, как это случается с многими понятиями, имеющими негативный подтекст, термин «капитализм» подхватывали те самые сторонники свободного рынка, против которых он использовался. Однако из-за истории его употребления интеллектуалы, называвшие «капитализмом» систему, за которую они выступали, или просто использовавшие это слово как нейтральный научный термин, оказывались в невыгодном положении, поскольку 1) он имел двусмысленное значение, относясь как к свободному предпринимательству, так и к паразитизму на налогах и покровительстве государства, и 2) почти всегда использовался в негативном смысле.

Некоторые предлагают вообще отказаться от этого термина из-за его противоречивости и идеологизированности [18]. Подобный вариант выглядит соблазнительно, но здесь есть одна проблема. Просто разрешать людям свободно торговать, руководствуясь соображениями прибыли и убытка, конечно необходимо для экономического прогресса, но для создания современного мира этого недостаточно. Современная рыночная экономика и возникла из вихря институциональных, технических, культурных, художественных и социальных инноваций, преодолевающих рамки обмена яиц на масло, и подстегивает этот вихрь. Современный рыночный капитализм обновляет жизнь не с черепашьей скоростью движения ледников, а все быстрее и быстрее – именно это так пугало в современном мире и социалистов (в частности, Маркса), и их союзников – консерваторов-антирыночников. В своей работе «Капитализм, социализм и демократия» Йозеф Шумпетер подвергает критике тех, для кого «проблема» состоит в том, «как капитализм функционирует в рамках существующих структур, тогда как действительная проблема в данном случае состоит в том, как он создает и разрушает эти структуры» [19].

Современный свободный рынок – это не просто площадка для обмена, подобная существовавшим еще в древности ярмаркам. Для него характерны волны «созидательного разрушения»; то, что было новым десять лет назад, сегодня уже устарело и заменяется усовершенствованными вариантами, новыми устройствами, институциональными формами, технологиями и методами взаимодействия, которые раньше и представить себе было невозможно. Именно это отличает современный свободный рынок от прежних рынков. И лучший из имеющихся терминов, позволяющий отличить рыночные отношения, создавшие современный мир, от тех разновидностей рынка, что им предшествовали, – это понятие «капитализм».

Однако капитализм – не синоним беспорядка. Это одна из форм спонтанного порядка, рождающаяся в ходе определенного процесса (некоторые авторы называют его «формирующимся порядком»). Подобные инновации становятся возможными благодаря предсказуемости, обусловленной прочностью верховенства закона и гарантированных прав. Как отмечает Дэвид Боуз на страницах *The Futurist*, «разглядеть порядок в кажущемся хаосе рынка всегда было непросто. Несмотря на то что ценовой механизм постоянно направляет ресурсы туда, где они используются эффективнее всего, внешне рынок кажется прямой противоположностью порядка – фирмы банкротятся, люди теряют работу, благосостояние неравномерно, инвестиции зачастую растрачиваются впустую. Динамичная эпоха инноваций покажется еще более хаотичной: гигантские бизнес-структуры будут вырастать и разрушаться быстрее, чем когда-либо прежде, а гарантированную занятость будут иметь все меньше работников. Однако наделе повышение эффективности транспорта, связи и рынков капитала обеспечит еще более высокий уровень порядка, чем в условиях рынка в промышленную эпоху.

Главное – не позволять государству принудительными методами «устранять эксцессы» или «направлять» рынок в сторону желательных для кого-либо результатов» [20].

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file*

Рыночный и кумовской капитализм чтобы избежать путаницы, вызванной двусмысленным употреблением термина «капитализм» мыслителями-социалистами, необходимо проводить четкое различие между рыночным капитализмом и «кумовским» капитализмом – системой, из-за которой так много государств погрязло в коррупции и отсталости. В ряде стран богатство во многих случаях становится синонимом высокой политической должности или означает, что его владелец (реже владелица) – родственник, друг или сторонник (одним словом, «кум») кого-то из власть предержащих и его богатство связано не с производством полезных товаров, а с привилегиями, которые государство представляет одним людям в ущерб другим. Как это ни прискорбно, понятие «кумовской капитализм» все больше характеризует и экономику США – страны, где обанкротившимся фирмам все чаще «помогают» за счет средств налогоплательщиков, где национальный капитал превращается в улей, кишущий соискателями на «присвоение ренты» – лоббистами, бюрократами, политиками, консультантами, продажными писаками, где чиновники из Министерства финансов и Центробанка (Федеральной резервной системы) решают, какие фирмы облагодетельствовать, а каким навредить. Подобное коррумпированное кумовство нельзя отождествлять с рыночным капитализмом – системой производства и обмена, основанной на верховенстве закона, равных правах для всех, свободе выбора, торговли, инноваций, дисциплинирующих ориентирах для прибыли и убытков, праве на плоды собственного труда, накоплений, инвестиций, отсутствии опасений, что они будут конфискованы теми, кто вкладывался не в производство полезных товаров и услуг, а в политическую власть.

Волны перемен, порождаемые рыночным капитализмом, часто вызывают недовольство традиционных элит. Они считают, что представители меньшинств наглеют, а низшие классы забыли свое место. Еще больше их шокирует тот факт, что рыночный капитализм позволяет женщинам занять подобающее место в обществе. Подрывается незыблемость социального статуса. Люди формируют взаимоотношения, основанные на добровольном выборе и согласии, а не на привилегиях, доставшихся им по праву рождения и социального положения [21]. Ненависть консерваторов рыночному капитализму, столь тщательно обобщенную Марксом и включенную в его собственные теории, отражает возмущение подобными переменами, а зачастую – и утратой привилегий. Лео Меламед (почетный председатель SME Group, а в прошлом – Чикагской товарной биржи, биография которого – он сумел спастись от гестапо и КГБ, а затем произвел революцию в мировых финансах – представляет собой выдающуюся историю мужества и дальновидности) на собственном опыте сделал вывод: «На финансовом рынке Чикаго главное не то, кто вы такой – ваше происхождение, семья, физическое состояние, пол, – а ваша способность понимать нужды потребителей и тенденции развития экономики. Все остальное большого значения не имеет» [22]. Поддержка рыночного капитализма равносильна поддержке свободы менять мир, вносить в него что-то новое, изобретать. Она означает готовность принять перемены, уважение к праву других делать все, что они захотят, с тем, что им принадлежит. Она означает создание условий для появления новых технологий, научных теорий, художественных форм, новой идентичности и новых взаимоотношений. Она означает поддержку свободы создания материальных благ – единственного инструмента борьбы с бедностью. (У богатства есть причины, а у бедности нет. Бедность – это результат того, что богатство не создается, но богатство – не результат того, что не создается бедность [23].) Она означает поддержку освобождения людей и реализации ими своего потенциала.

Авторы, чьи эссе публикуются в настоящем сборнике, представляют разные страны, культуры, профессии и научные специальности. Каждый из них по-своему анализирует вопрос о нравственных корнях рыночного обмена и о том, как рынок стимулирует нравственность. Это разные работы – некоторые довольно коротки, другие более объемисты; некоторые написаны в популярной форме, другие – в научной. Книга включает две статьи, прежде не публиковавшиеся на английском: специальная для нее они переведены с китайского и русского. Среди авторов – два лауреата Нобелевской премии (по литературе и экономике), в сборник вошло также интервью с успешным предпринимателем, сторонником, как он выражается, «сознательного капитализма». В статьях представлена не вся совокупность доводов в пользу рыночного капитализма, но они могут служить введением в весьма обширный круг соответствующей литературы. (Небольшая выборка из этого массива литературы представлена в краткой библиографии в конце книги.) Почему этот сборник содержит только работы, авторы которых энергично защищают рыночный капитализм? Потому что существуют сотни, а то и тысячи книг по проблемам рыночной экономики, где дается якобы «сбалансированный» анализ нашей темы, на деле представляющий собой осуждение богатства, предприимчивости, инноваций, механизма прибыли и убытков и рыночного

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* капитализма в целом. За свою жизнь я прочел сотни трудов с нападками на рыночный капитализм; я анализировал содержащиеся в них аргументы и продумывал собственные доводы для борьбы с ними. Что же касается критиков рыночного капитализма, то среди них мало кто прочел больше одной книги, автор которой осмелился бы выступить в защиту этой системы. Чаще всего, по крайней мере в «англосаксонских» интеллектуальных кругах, встречаются ссылки на одного ученого – Роберта Нозика, но и тут становится ясно, что авторы прочли лишь одну главу из одной его книги: ту, где он предложил «испытательный» мысленный эксперимент, тестируя противников рыночного капитализма. Большинство авторов-социалистов считают вполне достаточным ознакомиться с одной-единственной работой и оспорить один мысленный эксперимент [24]. Опровергнув единственный тезис, противники рыночного капитализма – если они вообще считают нужным продолжить критику своих оппонентов, – как правило, дают неправильный или путанный пересказ концепций Милтона Фридмана, Айн Рэнд, Ф.А. Хайека или Адама Смита, не утруждая себя цитированием этих авторов.

Вот один недавний пример: профессор Гарвардского университета Майкл Сандел попытался опровергнуть доводы в пользу рыночного капитализма в своей книге «Справедливость: что следует делать?». Помимо Нозика, он ссылается на Фридмана и Хайека, но из контекста ясно, что сами их книги Сандел не читал. В частности, он цитирует риторический вопрос Фридмана: «Разве есть у нас право насильственно удерживать его [человека, не желающего делать пенсионные накопления] от следования избранному пути?» [25] Однако он не упоминает о том, что в следующем абзаце цитируемой работы Фридман приводит основания для такого принуждения [26], и отмечает: «Весомость этого аргумента явно должна подкрепляться фактами» [27]. (Фридман имел в виду классический либеральный принцип «презумпции свободы» [28], не вынося категорического суждения по вопросу о правах, как ошибочно заявляет Сандел.) Сандел также утверждает, что в «Конституции свободы» экономист и философ австрийского происхождения Фридрих Август Хайек (1899–1992) отмечал: «Любые попытки обеспечить экономическое равенство неизбежно сопряжены с насилием и оказывают деструктивное воздействие на свободное общество». На самом деле ничего подобного Хайек не утверждал: он действительно считал, что «прогрессивный подоходный налог» (чья ставка увеличивается в зависимости от размера доходов индивида) несовместим с верховенством закона, поскольку «в отличие от пропорционального, прогрессивный налог не основывается на принципе, показывающем нам, каким должно быть относительное налоговое бремя для разных людей» [29], но это отнюдь не равносильно заявлению, будто любые попытки укрепить экономическое равенство (например, путем упразднения специальных субсидий и льгот для богачей) сопряжены с насилием. И ошибочное утверждение Сандела, и его анализ показывают, что он не потрудился хотя бы заглянуть в книгу Хайека; вероятно, труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» этот ученый охарактеризовал бы как книгу о производстве булавок. Серьезным людям так поступать не пристало. Я настоятельно рекомендую тебе, читатель, стремиться к большему. Прочти самые выдающиеся труды с критикой рыночного капитализма. Прочти Маркса, прочти Зомбарта, прочти Ролза, прочти Сандела. Разберись в концепциях авторов, обдумай их. Лично я прочел больше критических замечаний в адрес рыночного капитализма, чем большинство его противников, и думаю, что способен изложить их аргументацию лучше, чем они сами, – потому что я лучше ее знаю. На страницах настоящей книги мы представляем мнение другой стороны в этой дискуссии – само существование которого зачастую обходится молчанием. Итак, вперед, читатель, дерзай! Познакомься с доводами, изложенными в этой книге, обдумай их. И сам реши, кто прав.

Часть 1 Достоинства предпринимательского капитализма

Интервью с предпринимателем

Беседа Тома Дж. Палмера с Джоном Мэкки

Палмер: Джон, вы довольно нетипичный представитель делового мира – предприниматель, не стесняющийся отстаивать тезис о нравственности капитализма. Вы также известны своими утверждениями о том, что личный интерес не является единственной основой капиталистической системы. Что вы имеете в виду?

Мэкки: Говорить, что в основе всего лежат личные интересы, значит руководствоваться весьма неполным представлением о природе человека. Это напоминает мне студенческие дебаты с людьми, утверждавшими, что все, что вы делаете, по логике должно проистекать из личных интересов, иначе вы не стали бы этого делать. Эту точку зрения невозможно опровергнуть, поскольку по сути она абсурдна: даже если вы сделали что-то, руководствуясь не

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм личными интересами, вам все равно скажут, что вы исходили из них, иначе вы бы этого попросту не сделали. Спор превращается в замкнутый круг. Палмер: В чем, по-вашему, состоит значение не связанных с личными интересами мотивов для капитализма?

Мэки: Мне не нравится сама постановка вопроса: у людей различные представления о личных интересах, и зачастую разговор на эти темы превращается в диалог глухих. Потому-то я и упомянул об этих юношеских дискуссиях о том, что, мол, ничего, кроме личных интересов, не существует. Я говорю, что люди существа сложные, и у нас много мотивов, в том числе и личные интересы, но не только они. Нами движет немало вещей, которые нам небезразличны, включающих наши личные интересы, но не ограничивающихся ими. Думаю, в чем-то либертарианское движение – возможно, из-за совокупного влияния теорий Айн Рэнд и ряда экономистов – зашло в своеобразный идеологический тупик и не полностью учитывает особенности бизнеса, капитализма и человеческой природы.

Если вдуматься, мы сильнее всего руководствуемся личными интересами в юном возрасте, когда мы еще не созрели эмоционально. Большинство детей и подростков крайне сосредоточены на самих себе и подвержены нарциссизму. Они исходят из личных интересов – в своем собственном понимании. Но взрослея, обретая зрелость, мы в большей степени способны на сопереживание, сострадание, любовь – круг наших эмоций расширяется. Поступки людей обусловлены множеством причин. Часто приходится сталкиваться с ложным противопоставлением личного интереса, или эгоизма, альтруизму. Я считаю это противопоставление ложным, поскольку в нас есть и то и другое. Нами движут личные интересы, но не только они. Другие люди нам тоже небезразличны. Нас, как правило, очень волнует благополучие нашей семьи. Нас волнует положение дел в сообществах, в которых мы живем, и в обществе в целом. Кого-то из нас волнует обращение с животными и в целом защита окружающей среды. У нас есть идеалы, благодаря которым мы стремимся сделать наш мир лучше. В строгом смысле слова все это вроде бы противоположно личным интересам – если, конечно, абстрагироваться от бесконечной дискуссии о том, что все, к чему мы неравнодушны, и все, что мы делаем, продиктовано личными интересами. Таким образом, я думаю, что личные интересы – это еще не все и тезис о том, что во всех своих поступках мы руководствуемся личными интересами, непригоден для объяснения природы человека. На мой взгляд, капитализм и бизнес должны отражать человеческую природу во всей ее сложности. Мне также кажется, что тезис о личных интересах вредит «брендам» бизнеса и капитализма, поскольку позволяет противникам изображать бизнесменов и капиталистов жадными эгоистами и эксплуататорами. Эта ситуация меня по-настоящему беспокоит, том, поскольку капитализм и бизнес – две величайшие силы добра в нашем мире. Эту роль они играют как минимум уже триста лет... и тем не менее громадная польза, которую они принесли, не получает должной оценки.

Палмер: Чем же занимается бизнес, помимо реализации личных интересов (получения прибыли)?

Мэки: В самом общем плане, успешный бизнес – это создание стоимости. Капитализм прекрасен тем, что в конечном итоге в его основе лежит добровольный взаимовыгодный обмен. Возьмем, к примеру, фирму вроде Whole Foods Market: мы создаем стоимость, приносим пользу нашим клиентам, предоставляя им товары и услуги. Их никто не заставляет с нами торговать: они это делают по собственному желанию, считая, что это отвечает их интересам. Таким образом, мы делаем то, что они считают ценным. Мы также создаем стоимость для тех, кто у нас работает, – членов нашей команды. Они не рабы. Они работают с нами по доброй воле, потому что работа их устраивает, зарплата удовлетворяет и трудиться в Whole Foods им нравится – не только в материальном плане, но и в плане психологического комфорта. Таким образом, и для них мы делаем нечто ценное. Далее, мы создаем стоимость для наших инвесторов: ведь наша рыночная капитализация сейчас превышает десять миллиардов долларов, а начинали мы с нуля. То есть за тридцать с лишним лет мы создали для наших инвесторов стоимость в размере десять миллиардов. Никого из наших акционеров не принуждают покупать наши ценные бумаги. Они делают это добровольно, поскольку считают, что мы создаем для них стоимость. Мы также приносим пользу поставщикам нашей компании. Мы работаем с ними много лет, и я вижу, как их фирмы развиваются, как они процветают – и все это благодаря добровольному процессу. Они помогают Whole Foods, а мы помогаем им.

Палмер: Вы называете свою философию концепцией «сознательного капитализма». Что это означает?

Мэки: Мы используем эту формулировку, чтобы наша концепция отличалась от множества «ярлыков», вносящих путаницу, когда их валят в одну кучу – например, «социальная ответственность бизнеса», или «творческий капитализм»

нность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* (по Биллу Гейтсу), или «устойчивый капитализм». Мы выработали весьма четкое определение сознательного капитализма, основанное на четырех принципах. Первый из них состоит в том, что бизнес может иметь более высокую цель, чем получение дохода – последнее, конечно, всегда присутствует, но этим дело не ограничивается. Итак, у каждой фирмы может быть высшая цель. И если вдуматься, у всех других профессий также есть цель, не ограниченная узкими рамками доходности. Врач – одна из самых высокооплачиваемых профессий в нашем обществе, но у врачей есть цель – лечить людей, – продиктованная этикой, которую им прививают в мединститутах. Это, конечно, не означает, что алчных врачей не существует, но по крайней мере многие из докторов, которых мне довелось знать лично, искренне волнуются о пациентах и делают все возможное, чтобы их вылечить. Учителя несут людям знания, архитекторы проектируют дома, а юристы – оставим за скобками все анекдоты об адвокатах – пытаются обеспечить в нашем обществе правосудие и справедливость. Каждое ремесло имеет цель помимо максимального дохода – и те, кто им занимается, руководствуются этой целью. *Whole Foods* – продовольственная компания: мы продаем людям качественные, натуральные и органические продукты питания, способствуя тому, чтобы они были здоровее и прожили дольше.

Палмер: А второй принцип?

Мэки: Второй принцип сознательного капитализма – принцип партнерства, о котором я вскользь уже упомянул. Необходимо думать о множестве партнеров, для которых ваш бизнес создает стоимость и которые способны повлиять на его успех. Следует понимать, что бизнес – вещь сложно организованная, и стараться делать нечто ценное для всех этих взаимозависимых участников – клиентов, сотрудников, поставщиков, инвесторов и сообщества, в котором мы живем.

Третий принцип состоит в том, что любой фирме нужны лидеры, руководствующиеся этикой и ставящие на первое место цель бизнеса. Они пытаются служить этой цели и исповедуют принцип партнерства. То есть у них дела не должны расходиться со словами.

Наконец, четвертый принцип сознательного капитализма связан с созданием культуры, подкрепляющей три остальных принципа и спаивающей их воедино.

Палмер: Движут ли вами эти принципы в повседневной работе? Что вы говорите себе, вставая по утрам: «Я хочу заработать еще денег» или «Я буду верен своим принципам»?

Мэки: Думаю, я в этом смысле человек довольно странный, потому что я уже почти пять лет не получаю никакого жалования в *Whole Foods*. И бонусов тоже. Опцион на льготную покупку акций, который мне причитается, я передал фонду *Whole Planet*, занимающемуся микрокредитованием бедняков из разных стран. Моя мотивация связана с целями *Whole Foods*, а не с деньгами, которые я могу получить, занимаясь бизнесом. Мне лично более чем достаточно доходов от акций компании, которыми я все еще владею.

Палмер: Еще раз сформулируйте эту цель, пожалуйста.

Мэки: Цель *Whole Foods* – это... если бы у нас было больше времени, можно было бы подробно поговорить о высшей цели *Whole Foods*. На эту тему я выступал перед нашим руководством недели две назад. В двух словах могу сказать только, что в основе деятельности нашей компании лежат семь основных ценностных ориентиров. Первый – удовлетворять и радовать наших клиентов. Второй – чтобы члены нашей команды были довольны и могли совершенствовать свое мастерство. (Кстати, все это изложено на нашем интернет-сайте, так что мы ничего не скрываем.) Третий ориентир – создание стоимости за счет прибыли и роста. Четвертый – быть ответственными членами тех сообществ, в которых мы занимаемся бизнесом. Пятый – стараться, чтобы наш бизнес не вредил окружающей среде. Шестой – мы рассматриваем наших поставщиков как партнеров и стараемся строить отношения с ними на взаимно выигршной основе. Седьмой – мы стараемся информировать всех наших партнеров о преимуществах здорового образа жизни и здорового питания. И наши высшие цели – прямое продолжение этих ценностных принципов. Среди них можно назвать стремление вылечить американцев, страдающих различными заболеваниями и лишним весом: мы питаемся просто ужасно и в результате гибнем от сердечных болезней, рака и диабета. Эти болезни связаны с образом жизни – их вполне можно избежать, и в этом состоит одна из наших высших целей. Другая высшая цель связана с нашим сельским хозяйством: мы стараемся придать ему большую экологичность при сохранении высокой производительности. Третья высшая цель связана с нашим фондом *Whole Planet*, сотрудничающим с *Grameen Trust* и другими организациями, специализирующимися на микрокредитовании, чтобы содействовать ликвидации бедности в масштабе всей планеты. Мы сегодня работаем в тридцати четырех странах – а через два года их число возрастет до пятидесяти шести, – и наша деятельность уже

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм помогает сотням тысяч людей. Наша четвертая высшая цель – распространение идеи сознательного капитализма.

Палмер: Вы говорите о целях вашего бизнеса... но где тут прибыль? Разве компания не прибыльное предприятие? Могли бы вы все это делать, не получая прибыли? Зарабатывать ровно столько денег, чтобы компенсировать расходы, и все?

Мэки: На это можно заметить, в частности, что в этом случае невозможно эффективно осуществлять свои цели, поскольку, зарабатывая деньги только на покрытие расходов, вы не сможете оказывать серьезного воздействия на ситуацию. Сегодня Whole Foods способна куда больше влиять на события, чем тридцать, двадцать, пятнадцать или десять лет назад. Поскольку мы высокоприбыльная компания, поскольку, развиваясь, мы реализуем наши цели во все больших масштабах, мы можем помочь миллионам, а не тысячам людей. Поэтому, на мой взгляд, прибыльность необходима для более эффективного осуществления ваших целей. Кроме того, прибыль создает капитал, необходимый нашему миру для инноваций и развития: не будет прибылей, не будет прогресса. Эти две вещи абсолютно взаимосвязаны.

Палмер: Но если прибыль оседает в карманах ваших акционеров, может ли она в полной мере способствовать реализации ваших целей?

Мэки: Естественно, большая часть прибыли не попадает в карманы акционеров. Они получают лишь сравнительно небольшую долю прибыли, которую мы выплачиваем в качестве дивидендов. Больше 90 % средств, которые мы зарабатываем, реинвестируются в бизнес для его развития. Ваше замечание было бы верным, если бы мы выплачивали все 100 % прибыли в виде дивидендов, но я не знаю ни одной компании, которая так поступала бы, кроме REIT (фонда инвестиций в недвижимость). Все остальные вкладывают прибыль в дело, обеспечивая рост. Более того, получаемая акционерами доля прибыли стимулирует их к новым инвестициям в компанию: без этого у вас не было бы капиталов для реализации ваших высших целей. Способность наращивать объем капиталов фирмы означает, что вы умеете создавать стоимость и наглядным мерилom этого является курс ваших акций. Именно это я имел в виду, когда говорил, что за тридцать с лишним лет мы создали стоимость в размере десять миллиардов долларов.

Палмер: Порой приходится слышать, что рыночная экономика порождает неравенство. Как вы оцениваете такие утверждения?

Мэки: На мой взгляд, это неправда. На протяжении всей истории крайняя бедность была нормой для большинства людей. Все были одинаково бедны и жили недолго. Двести лет назад 85 % жителей планеты должны были существовать меньше чем на доллар в сутки в пересчете на нынешний курс – 85%! Теперь эта цифра составляет всего 20 %, а к концу столетия должна снизиться до нуля. Таким образом, прогресс налицо, люди становятся богаче, выбиваются из нищеты. Человечество действительно прогрессирует – наша культура, наш интеллектуальный потенциал. Мы движемся по восходящей спирали, и будем двигаться – если конечно, сами себя не уничтожим (а такой риск есть, поскольку людям порой свойственна и воинственность). Вот, кстати, одна из причин, по которым следует развивать бизнес, предпринимательство и создавать стоимость – это дает выход нашей энергии в более здоровой форме, чем милитаризм, политические конфликты и разрушение. Но это совсем другая большая тема.

Так приводит ли все перечисленное к росту неравенства? Мне кажется, капитализм не столько порождает неравенство, сколько помогает людям добиваться благосостояния, а это с неизбежностью означает, что уровень благосостояния не может расти одинаково – но со временем он повышается у всех. Мы видим это собственными глазами, особенно в последние двадцать лет: по мере того как в Китае и Индии укореняются капиталистические отношения, буквально сотни миллионов людей в этих странах выбиваются из нищеты. Реальное положение вещей заключается в том, что одни преодолевают бедность и достигают благосостояния быстрее, а другие – медленнее. Но так или иначе, речь идет не об усугублении бедности, а о ее преодолении. Капитализм не порождает неравенство в том смысле, который большинство людей вкладывают в это понятие. Неравенство существовало на протяжении всей истории человечества – при любой организации общества. Даже коммунистическое общество, претендовавшее на имущественное равенство, было чрезвычайно стратифицировано, и там существовала элита, пользовавшаяся особыми привилегиями. Поэтому я не считаю, что капиталистическую систему можно обвинять в существовании неравенства. Капитализм позволяет людям избавиться от бедности, повысить уровень жизни и благосостояния – и это очень хорошо. Вот на этом вопросе нам и следует сосредоточивать внимание.

В нашем мире главный водораздел пролегает между странами, внедрившими рыночный капитализм и потому разбогатевшими, и теми, которые этого не сделали и остаются бедными. Проблема не в том, что кто-то богатеет, а в

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм, что остальные по-прежнему живут в нищете. А ведь в такой ситуации нет ничего неизбежного!

Палмер: Вы проводите различие между рыночным капитализмом и другими системами, в рамках которых люди также получают прибыль и занимаются бизнесом, но которые зачастую носят название «кумовской капитализм». В чем разница между вашей нравственной концепцией и той реальностью, что мы наблюдаем во многих странах мира?

Мэкки: Необходимо верховенство закона. Нужны правила, одинаковые для всех, и их соблюдение должна обеспечивать судебная система, главная цель которой состоит именно в этом. Первостепенной задачей должно быть равенство всех перед законом – никаких особых привилегий для «избранных». Но во многих странах, и, как мне кажется, во все большей степени в Америке, мы видим, что людям со связями в политических кругах оказываются особые услуги. Это неправильно. Это плохо. В той степени, в какой любое общество страдает от кумовского капитализма, или «кумпитализма», как выражается мой друг Майкл Стронг, оно теряет рыночный характер и возможности увеличения благосостояния: уровень жизни многих людей без нужды остается более низким, чем в условиях подлинно рыночной системы, защищенной верховенством закона.

Палмер: Обратимся к ситуации в нашей стране – Соединенных Штатах. Существует ли, по вашему мнению, кумовской капитализм в США?

Мэкки: Позвольте привести мой любимый пример из нашей текущей ситуации. То есть их у меня даже два. Во-первых, администрация Обамы уже выдала более тысячи освобождений от правил и норм, принятых в рамках обамовской реформы здравоохранения. Это одна из форм кумовского капитализма: правила не распространяются на всех. Кроме того, полномочия делать исключения из правил означают и полномочия для отказа в таких исключениях. И вы можете отказать в освобождении от правил фирме, не делающей достаточно щедрых взносов в фонд находящейся у власти политической партии, или просто компании, которая по каким-то причинам вам не нравится. Возникает простор для произвола: закон избирательно применяется по отношению к одним и не применяется к другим. Во-вторых, проявлениями кумовского капитализма я считаю разнообразные субсидии на внедрение «экологичных технологий». Субсидируются отдельные фирмы, и в конечном итоге, поскольку государство само денег не зарабатывает, эти средства берутся у налогоплательщиков и перераспределяются в пользу людей, находящихся в фаворе у политической власти. Я вижу, к примеру, что сейчас происходит с General Electric в плане налогообложения, льгот и вычетов, включаемых в налоговое законодательство. И поскольку эта фирма активно занимается альтернативными энергетическими технологиями – по крайней мере некоторыми из них, – она скоро, благодаря своим связям в политических кругах, не будет платить налоги с большей части получаемых доходов. Это меня возмущает. На мой взгляд, это очень плохо.

Палмер: Вы считаете такую практику аморальной?

Мэкки: Да, я лично считаю это аморальным. Но тут надо определиться с тем, что мы подразумеваем под словом «аморальный». Такие вещи несомненно противоречат моим этическим принципам, моему пониманию того, что правильно, а что неправильно. Противоречит ли это этическим принципам других людей? Трудно сказать. Мне это однозначно не нравится, я против этого. Это несовместимо с моим представлением о том, как должно управляться общество. В обществе, где прочно главенствует закон, такие вещи происходить не должны.

Палмер: Кому, по-вашему, приносит наибольшую пользу та рыночная модель капитализма, которую вы поддерживаете?

Мэкки: Буквально всем! Все члены общества оказываются в выигрыше. Именно благодаря такому капитализму значительная часть населения планеты выбилась из нищеты. Благодаря ему разбогатела наша страна. Мы были бедны как церковные крысы. Америка была страной широких возможностей, но она не была богатой страной. И хотя Америка не была верхом совершенства, ее экономика в течение двухсот лет была одной из самых свободных в мире, и в результате мы из очень бедной страны превратились в процветающую, по-настоящему богатую.

Палмер: В своей книге «Достоинство буржуазии» Дейрдра Макклоски утверждает, что рост благосостояния простых людей стал возможным благодаря изменившимся представлениям о бизнесе и предпринимательских инновациях. Считаете ли вы, что мы способны вернуть себе это уважительное отношение к создающему стоимость бизнесу?

Мэкки: На мой взгляд, способны, потому что я видел, что случилось после избрания Рональда Рейгана. В 1970-х Америка переживала упадок – в этом нет никаких сомнений: вспомните тогдашний уровень инфляции, размеры процентных ставок, динамику ВВП, частые рецессии. Одним словом, наша страна страдала от «стагфляции», обнажившей все изъяны кейнсианской теории. И тут у нас появился лидер, снизивший налоги, за счет дерегулирования освободивший от пут ряд отраслей экономики, и началось возрождение Америки, ее обновление,

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм длившееся последние полвека, а то и больше. Мы развивались по восходящей спирали роста и прогресса. К сожалению, в последние годы начался новый откат назад – по крайней мере на пару шагов. Сначала при... ну, определенную вину можно возложить на всех президентов и политиков, и Рейган тоже был отнюдь не безупречен, но реально откат ускорился при Буше, а теперь Обама тянет страну назад, как ни один из его предшественников. Но, знаете, я предприниматель, а потому – оптимист. Думаю, нам по силам переломить эту тенденцию. На мой взгляд, наш упадок еще не стал необратимым, но я считаю, что уже в ближайшее время стране понадобятся серьезные перемены. Во-первых, США на грани банкротства. И если мы не отнесемся к этой проблеме всерьез и не решим ее, не повышая при этом налоги и не удушая предпринимательство, если мы не будем готовы исправить ситуацию, упадок неизбежен. Но пока что я по-прежнему надеюсь на лучшее!

Палмер: Что, на ваш взгляд, порождает капитализм – единообразие или многообразие? Я думаю о людях, которым нравится кошерная или халяльная пища, о религиозных, культурных и сексуальных меньшинствах...

Мэки: Вы сами почти ответили на этот вопрос – просто тем, что можете все это перечислить. В конечном итоге суть капитализма – это сотрудничество людей ради создания ценностей не только для себя, но и для других. Конечно, фактор личных интересов тоже присутствует. Но главное – способность создавать стоимость за счет сотрудничества – как для себя, так и для других. И это порождает многообразие плодотворной деятельности, поскольку нужды и желания людей весьма многообразны. Цель капитализма, цель сотрудничества в условиях рынков – удовлетворение этих нужд и желаний. И это создает огромный простор для раскрытия индивидуальности. В авторитарном государстве какая-то группа – религиозная организация, интеллектуалы из высшей школы или просто фанатики, – считающая, будто она владеет истиной в последней инстанции, может навязать всем свои ценности. Они могут диктовать другим свою волю. В капиталистическом обществе пространства для проявления индивидуальности куда больше. Здесь могут расти и расцветать миллиарды «цветов», просто потому, что расцвет человека – это и конечная цель капитализма, и результат его существования.

Палмер: Каким вам видится будущее общество, где царят справедливость, предприимчивость и процветание?

Мэки: Прежде всего мне хотелось бы, чтобы сторонники капитализма начали осознавать: их нынешняя стратегия льет воду на мельницу его противников. Они уступили оппонентам «командные высоты» высокой нравственности, позволяя им изображать капитализм как систему, поощряющую алчность, эгоизм, порождающую неравенство, эксплуатирующую трудящихся, обманывающую потребителей, разрушающую экологию и общность между людьми. Защитники капитализма не знают, что ответить на это, поскольку они уже уступили его критикам важные позиции. Им необходимо преодолеть сосредоточенность на проблеме личных интересов и понять, какие ценности капитализм создает – не только для инвесторов, хотя и для них тоже, но для всех тех, кто имеет дело с бизнесом: потребителей, работников, поставщиков, общества в целом, государства. Где было бы наше государство без мощного делового сектора, создающего рабочие места, а также доходы и богатство, которое оно облагает налогом? Это так, хотя сам я от этого не всегда в восторге. Капитализм приносит огромную пользу. Это самый потрясающий инструмент социального сотрудничества из всех, что когда-либо существовали. И об этом нам следует говорить вслух. Нужно изменить характер нарратива. С точки зрения этики нам надо изменить отношение к капитализму, показать, что он создает стоимость для всех, а не для немногих. Если люди начнут относиться к капитализму так же, как я, они полюбят его не меньше, чем я.

Палмер: Спасибо, что уделили мне время.

Мэки: Был рад с вами побеседовать, Том.

Свобода и достоинство – ключ к пониманию современного мира

Дейдра Н. Макклоски

Промышленную революцию и наш современный мир породило изменение в оценке людьми рынка и инноваций. Однако в традиционных исторических концепциях для вопроса об отношении к торговле и инновациям, для либеральной мысли места не нашлось. Старая материалистическая версия гласит: причины Промышленной революции носят материальный характер. Это инвестиции и грабеж, рост накоплений и империализм. Все мы это слышали: «Европа разбогатела благодаря колониям», «Соединенные Штаты были построены на костях рабов», «Китай богатеет благодаря торговле».

Но что, если предпосылкой Промышленной революции стали изменения в образе мысли людей, и особенно в их отношении друг к другу? Представим, что паровозы и компьютеры появились не благодаря растущим корпусам заводских цехов или нещадной эксплуатации африканцев, а потому, что изобретатели

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file*

стали пользоваться уважением.

Экономисты и историки начинают осознавать: чтобы привести в действие маховик Промышленной революции, требовалось нечто большее, чем грабеж покоренных народов и первоначальное накопление капитала, – необходимо было радикальное изменение в восприятии коммерции и инноваций на Западе. Люди обрели пристрастие к «созидательному разрушению» – замене старых идей новыми. Это как в музыке: новая рок-группа приносит с собой новую идею, и если достаточно людей добровольно примут ее, эта идея заменяет прежние. Если люди считают, что новая музыка лучше старой, последняя «разрушается» в ходе созидательного творческого процесса. Аналогичным образом электрические лампочки вытеснили керосиновые лампы, а компьютеры – пишущие машинки. И все это происходит нам во благо.

Подлинная история выглядит так: до того как голландцы в начале XVII века и англичане в начале XVIII изменили свой образ мысли, добиться почета можно было двумя способами – будучи воином или священником, в замке или в церкви. Людей, просто зарабатывавших на жизнь куплей-продажей или изобретавших что-то новое, презирали, считая их погрязшими в грехе мошенниками. В XIII веке тюремщик ответил на мольбы богача о пощаде такими словами: «Будет вам, месье Арно Тессьер, вы купались в таком богатстве! Как же вы можете быть без греха?»

В 1800 году среднедушевой суточный доход во всех странах мира составлял, в пересчете на нынешние деньги, от 1 до 5 долларов. Примем за среднюю величину цифру 3 доллара. А теперь представьте, что в сегодняшних Рио, Афинах или Йоханнесбурге вам нужно прожить день на 3 доллара. (Некоторым, увы, и сейчас приходится делать это на практике.) Вам не хватит и на чашку капучино в Starbucks. Подобная нищета была ужасна тогда и ужасна сегодня. Затем что-то изменилось – сначала в Голландии, потом в Англии. Период революций и Реформации в Европе – с 1517-го по 1789 год – наделил правом голоса простых людей, а не только епископов и баронов. Европейцы, а затем и жители других регионов мира начали восхищаться предпринимателями вроде Бена Франклина, Эндрю Карнеги и Билла Гейтса. Представителей среднего класса стали считать добропорядочными гражданами, дали им возможность творить добро и попутно богатеть. Люди «подписали контракт» со средним классом, который с тех пор действует в разбогатевших странах вроде Британии, Швеции или Гонконга. Его условия таковы: «Не мешайте нам придумывать что-то новое и зарабатывать на этих инновациях кучу денег – в конечном итоге мы обогатим и вас».

Таки произошло. Начиная с электрической дуги Франклина и паровой машины Уатта в XVIII веке процесс инноваций на Западе, много веков отстававшем от Китая и Индии, набирал обороты, достигнув в XIX и особенно XX столетии головокружительной скорости.

Достаточно было впервые в истории человечества наделить свободой и достоинством средний класс – и вот результат: паровой двигатель, ткацкий станок, конвейер, симфонические оркестры, железные дороги, аболиционизм, паровой штамповочный пресс, дешевая бумага, всеобщая грамотность, дешевая сталь, дешевое стекло, современная высшая школа, современные газеты, очистка воды, железобетон, женское движение, электрическое освещение, лифт, автомобиль, отпуски в Йеллоустоуне, пластмасса, полмиллиона новых книг, выходящих ежегодно только на английском, гибридные зерновые, пенициллин, самолет, чистый воздух в городах, гражданские права, операции на сердце и компьютер.

В итоге впервые в истории простые люди, и особенно бедняки, обрели невиданное благосостояние – вспомните условия «контракта» со средним классом. Сегодня самые бедные 5 % населения США имеют столько же кондиционеров и автомобилей, сколько самые богатые 5 % жителей Индии. На наших глазах то же самое происходит в Китае и Индии – странах, где живет 40 % населения планеты. Главное событие современности в сфере экономики – не «великая рецессия» 2007–2009 годов, при всей ее болезненности, а то, что Китай (в 1978 году) и Индия (в 1991-м) взяли на вооружение либеральные экономические идеи и принцип «созидательного разрушения». Теперь в этих странах производство товаров и услуг на душу населения каждые 20 лет увеличивается в четыре раза.

Сегодня в тех многочисленных странах, где среднему классу обеспечиваются свобода и достоинство, люди в среднем зарабатывают и тратят по 100 долларов в день. Вспомним: 200 лет назад в пересчете на нынешние цены эта цифра составляла 3 доллара. При этом мы не учитываем громадное повышение качества многих товаров и услуг – от электрического освещения до антибиотиков. По самым осторожным оценкам, уровень материального благосостояния молодых людей в Японии, Норвегии и Италии сейчас примерно в 30 раз выше, чем у их прапрапрадедов. Все другие «прорывы» последних столетий – демократизация, освобождение женщин, повышение средней продолжительности

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* жизни и уровня образования, духовное развитие, революция в искусстве – также прочно связаны с «основополагающим фактом» новой и новейшей истории: ростом на 2900 % в области обеспечения продовольствием, образования и путешествий.

Этот «основополагающий факт» настолько масштабен и беспрецедентен, что его нельзя связать с такими «будничными» причинами, как развитие торговли, эксплуатация, инвестиции и колониальные захваты. Именно подобные «рутинные» явления так хорошо умеют объяснять экономисты. Однако все они имели место – и в больших масштабах – и в Китае, Османской империи, Древнем Риме и Южной Азии. Рабство было распространено на Ближнем Востоке, торговля – в Индии, китайские императоры тратили огромные средства на строительство каналов, а римские цезари – на прокладку дорог. Но «основополагающий факт» в этих странах не стал реальностью. Значит, в традиционных объяснениях экономического порядка кроются серьезные изъяны.

Иными словами, попытки объяснить современный мир исключительно в рамках экономического материализма – будь то исторический материализм левых или экономические теории правых – ошибочны. Ключ к разгадке – идеи человеческого достоинства и свободы. Как выразился специалист по экономической истории Джозел Макир, «экономические изменения в любую эпоху зависят от мышления людей куда больше, чем полагают большинство экономистов». Гигантские перемены материального плана были не причиной, а следствием. Причиной же того благосостояния и свободы, которыми мы пользуемся сейчас, стали идеи – «риторика». Конкуренция и сотрудничество

Дэвид Боуз

Сторонники рынка часто подчеркивают преимущества, которые несет с собой конкуренция. Конкуренция позволяет постоянно пробовать разные подходы, экспериментировать и адаптироваться к меняющейся среде. Конкуренция заставляет бизнес постоянно делать все возможное, чтобы как можно лучше обслужить потребителей. Как на аналитическом, так и на эмпирическом уровне мы видим, что у систем, построенных на конкуренции, результаты лучше, чем у централизованных или монополистических структур. Поэтому в книгах, газетных статьях и телепередачах сторонники свободного рынка подчеркивают значение конкуренции и выступают против ее ограничения.

Но слишком многие, воспринимая аргументы в пользу конкуренции, слышат такие слова, как «враждебность», «беспоощадность», «человек человеку волк». У них возникает вопрос: неужели сотрудничество не лучше, чем подобное антагонистическое отношение к окружающему миру? Так, инвестор-миллиардер Джордж Сорос отмечает на страницах *Atlantic Monthly*: «Слишком высокий уровень конкуренции при слишком низком уровне сотрудничества может обернуться неприемлемым неравенством и нестабильностью». Далее он поясняет: его «главный тезис... заключается в том, что лозунг „выживает сильнейший“ затушевывает этот факт».

Следует, однако, подчеркнуть, что сторонники свободы и свободного рынка, как правило, не используют выражение «выживает сильнейший». Это понятие характеризует процесс биологической эволюции и означает, что выживают виды, наиболее приспособленные к окружающей среде. Его можно отнести также к конкуренции предприятий на рынке, но это никоим образом не означает, что при капитализме выживают лишь сильнейшие индивиды. Для описания конкуренции фразу «выживает сильнейший» употребляют не сторонники, а противники рынка. Необходимо четко прояснить: те, кто утверждает, что люди «созданы для сотрудничества, а не для конкуренции», не понимают одной вещи – рынок как раз и построен на сотрудничестве. Более того, как мы продемонстрируем ниже, люди конкурируют именно ради сотрудничества.

Индивидуализм и сообщество

Аналогичным образом, оппоненты классического либерализма огульно обвиняют либералов в поддержке «индивидуалистической раздробленности», в рамках которой каждый человек существует сам по себе, интересуясь лишь собственной выгодой и не обращающая внимания на нужды и потребности других. Так, И. Дж. Дионн-младший из *Washington Post* пишет: современные либертарианцы убеждены, что «люди приходят в этот мир как полностью сформировавшиеся взрослые и должны отвечать за свои поступки с самого рождения». Обозреватель Чарльз Краутхаммер в рецензии на книгу Чарльза Мюррея «Что значит быть либертарианцем» отмечает: до появления этого труда либертарианцы воспринимали человечество как «расу крайних индивидуалистов, каждый из которых живет в собственной хижине на вершине горы, окруженной колючей проволокой и надписями „вход воспрещен“». Странно, что он еще не добавил для ясности «вооруженных до зубов индивидуалистов».

Конечно, на самом деле в «индивидуалистическую раздробленность», которую так любят высмеивать преподаватели и эксперты, никто не верит. Очевидно,

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* что мы сосуществуем друг с другом и работаем в составе групп. Как может такой утрированный индивидуалист существовать в современном обществе – загадка: означает ли это, что мы должны есть только то, что сами вырастим, ходить в домотканой одежде, жить в домах, построенных собственными руками, и принимать лишь естественные снадобья, извлекаемые из целебных растений? Некоторым критикам капитализма и сторонникам «возврата к природе», например Унабомберу или Элу Гору – если он всерьез убежден в том, что писал в своей книге «Земля на чаше весов», – такая идея может даже понравиться. Но подавляющее большинство либертарианцев уж точно не захотят жить на необитаемом острове, отказавшись от благ «большого общества», как выразился Адам Смит, то есть сложного и продуктивного общества, основанного на социальном взаимодействии. Таким образом, разумно мыслящим журналистам стоило бы сделать паузу, перечитать только что напечатанное и сказать себе: «Тутя, похоже, исказил их позицию. Нужно еще раз прочесть то, что писали мыслители-либертарианцы».

В наше время это клише – насчет изоляции и раздробленности – наносит большой ущерб делу сторонников рынка. Нам необходимо четко заявить: мы согласны с тезисом Джорджа Сороса о том, что «сотрудничество – столь же важный элемент системы, как и конкуренция». Более того, мы считаем сотрудничество настолько необходимым для благосостояния людей, что стремимся не только говорить об этом, но и создать общественные институты, обеспечивающие такое сотрудничество. Именно этому призваны служить права собственности, ограничение полномочий государства и верховенство закона. В свободном обществе индивиды пользуются естественными, неотъемлемыми правами и должны выполнять общее для всех обязательство – уважать права других. Другие наши обязательства мы выбираем сами, заключая контракты. Не случайно для общества, в основе которого лежат права на жизнь, свободу и собственность, характерны также социальный мир и материальное благополучие. Как продемонстрировали Джон Локк, Давид Юм и другие основоположники философии классического либерализма, система прав необходима нам для обеспечения социального сотрудничества – без него люди не способны добиться многого. В «Трактате о человеческой природе» Юм перечислил основные условия, в которых приходится действовать людям: 1) наличие у нас личных интересов, 2) наше по необходимости небеспредельное великодушие по отношению к другим, и 3) недостаточность имеющихся ресурсов для удовлетворения наших потребностей. Из-за этих обстоятельств нам необходимо сотрудничать с другими и иметь справедливые правила – особенно в том, что касается собственности и обмена, – определяющие это сотрудничество. Эти правила устанавливают те, кто вправе принимать решения об использовании конкретного объекта собственности. В отсутствие четких прав собственности между людьми постоянно возникали бы конфликты по этому вопросу. Именно наше согласие с правами собственности позволяет выполнять сложные задачи социального сотрудничества и координации, с помощью которых мы достигаем своих целей.

Было бы, конечно, прекрасно, если бы этого можно было добиться благодаря братской любви, без акцента на личные интересы и индивидуальные права, и многие оппоненты либерализма рисуют нам весьма привлекательную картину общества, построенного на всеобщей благожелательности. Но, как указывал Адам Смит, «в цивилизованном обществе он [человек] непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей», и при этом за всю жизнь он может лично подружиться лишь с очень немногими из тех, чье сотрудничество ему необходимо. Если бы сотрудничество полностью зависело от нашей взаимной благожелательности, мы были бы не в состоянии выполнять сколько-нибудь сложные задачи. Опора на личные интересы других людей в рамках системы четких прав собственности и свободного обмена – единственный способ организации сообщества, более масштабного, чем маленькая деревенька. Гражданское общество

Мы взаимодействуем с другими для осуществления утилитарных целей – производства большого количества пищи, обмена товарами, создания новых технологий, – но этим дело не ограничивается: мы к тому же ощущаем глубокую, чисто человеческую потребность в общении, любви, дружбе и солидарности. Ассоциации, которые мы создаем вместе с другими, составляют так называемое гражданское общество. Эти ассоциации принимают самые разнообразные формы – семья, церковный приход, школа, клуб, общества, организации жильцов дома или квартала и мириады разновидностей коммерческих объединений (партнерства, корпорации, профсоюзы, торговые сообщества). Все эти ассоциации разными способами служат удовлетворению потребностей людей. Совокупность этих естественных и добровольных ассоциаций и представляет собой гражданское общество.

Некоторые аналитики проводят различие между коммерческими и некоммерческими организациями, утверждая, что структуры бизнеса представляют собой элемент

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* рынка, а не гражданского общества. Я, однако, придерживаюсь другого традиционного взгляда – подлинный водораздел между ассоциациями связан с их принудительным (государство) или естественным и добровольным характером (все остальные). Независимо от того, какая цель ставится при создании ассоциации – получение прибыли или что-то еще, – главное заключается в том, что мы принимаем в ней участие по собственному, добровольному выбору. При всей существующей сегодня путанице относительно гражданского общества и «национальных задач» нельзя забывать о тезисе Ф.А. Хайека: ассоциации в рамках гражданского общества создаются ради конкретных задач, но у гражданского общества в целом не может быть единой задачи – оно представляет собой никем не спланированный, спонтанный результат существования всех этих целевых ассоциаций.

Сотрудничество как основа рынка

Рынок – один из важнейших элементов гражданского общества. Его существование связано с двумя фактами: в сотрудничестве с другими люди способны достичь большего, чем поодиночке, и мы в состоянии это осознать. Если бы для нашего вида сотрудничество было менее продуктивно, чем работа в изоляции, или если бы мы не понимали преимуществ сотрудничества, человечество оставалось бы раздробленным. Хуже того, как пояснял Людвиг фон Мизес, в этом случае «каждый человек был бы вынужден рассматривать всех остальных людей как своих врагов; стремление к удовлетворению собственных appetites привело бы его к беспощадному конфликту со всеми соседями». Без возможности взаимовыгодного сотрудничества и разделения труда не могли бы возникнуть ни сочувствие и дружба, ни сама рыночная система. В рамках рыночной системы индивиды и фирмы конкурируют, чтобы совершенствовать сотрудничество. General Motors и Toyota конкурируют друг с другом, чтобы сотрудничать со мной в достижении моей цели – иметь средство передвижения. AT&T и MCI конкурируют между собой, чтобы сотрудничать со мной в достижении еще одной моей цели – общаться с другими по телефону. Более того, они настолько энергичнее конкурируют ради меня, что я для собственного спокойствия вступил в сотрудничество с третьей коммуникационной фирмой, установившей мне автоответчик.

Критики рынка часто сетуют, что капитализм поощряет и вознаграждает эгоистические интересы. На деле же люди руководствуются личными интересами при любом политическом строе. Рынок, однако, позволяет направить эти интересы на пользу обществу. В условиях свободного рынка люди осуществляют собственные цели, выясняя, чего хотят другие, и пытаясь удовлетворить эти желания. Это может выливаться в совместную работу нескольких человек над изготовлением рыболовной сети или над прокладкой дороги. В рамках более сложной экономической системы это означает стремление получить прибыль за счет поставки товаров и услуг, удовлетворяющих желания и потребности других. Работники и предприниматели, удовлетворяющие эти потребности лучше всего, будут вознаграждены; те же, кому это не удастся, быстро осознают свою ошибку и будут иметь все стимулы, чтобы имитировать действия более успешных конкурентов или найти новые подходы к делу.

Все разнообразные способы организации экономической деятельности, которые мы наблюдаем на рынке, – эксперименты по поиску более эффективных форм сотрудничества для достижения целей всех его участников. Система прав собственности, верховенство закона и минимальные полномочия государства обеспечивают людям максимальный простор для экспериментов с новыми формами сотрудничества. Развитие сотрудничества позволило реализовывать более масштабные экономические задачи, чем те, что были по плечу отдельным людям или небольшим партнерствам. Такие организации, как ассоциации жильцов, паевые инвестиционные фонды, страховые компании, банки, кооперативы и др., представляют собой попытки решить конкретные экономические проблемы с помощью новых форм ассоциации. Некоторые из этих форм бывают неэффективными: так, гигантские корпоративные конгломераты, возникавшие в 1960-х, оказались трудноуправляемыми, и их акционеры потеряли деньги. Оперативная «обратная связь» с рыночным процессом обеспечивает стимулы для копирования удачных организационных форм и отказа от неудачных.

Сотрудничество – такая же неотъемлемая часть капитализма, как и конкуренция. Оба этих процесса представляют собой важнейшие элементы простой системы, построенной на естественной свободе, и большинство из нас куда чаще сотрудничают с партнерами, коллегами, поставщиками и клиентами, чем конкурируют с соперниками. Если бы мы были обречены на «одинокое плавание», наша жизнь действительно была бы неприглядной, жестокой и недолгой. К счастью, в капиталистическом обществе она не такова. Коммерческая медицина и мотив сострадания

Том Дж. Палмер

Должно быть, коммерческая медицина – это нечто отвратительное и аморальное.

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера file

В конце концов, ее ругают все кому не лень. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, Canadian Broadcasting Corporation транслирует передачу, в которой решительно осуждается существование частных больниц. Многие утверждают: когда врачей, сестер и больничную администрацию волнует только доход, на смену сопереживанию приходят черствость и эгоизм. Но мне только что довелось взглянуть на эту ситуацию по-новому, когда я, проходя лечение от тяжелого и весьма болезненного недуга, побывал в двух больницах, одна из которых работает на коммерческой основе, а другая – на некоммерческой. Недавно у меня произошел разрыв межпозвоночного диска – такую боль мне не приходилось испытывать никогда. Я обратился к специалисту в местной коммерческой больнице, и он в течение часа организовал мне МРТ (магнитно-резонансную томографию) в близлежащей коммерческой рентгенологической клинике. Затем он устроил мне эпидуральную инъекцию, чтобы ослабить воспаление позвоночных нервов, которые и вызывали боль. Я так страдал, что едва мог двигаться. Врачи и сестры в коммерческой клинике и больнице отнеслись ко мне необычайно доброжелательно и любезно. Когда сестра разъяснила мне предстоящую процедуру и убедилась, что я понял все указания, врач, представившись, подробно рассказал обо всех этапах процедуры и сделал укол – весьма профессионально и с явной заботой о моем самочувствии.

Прошло несколько недель. Мое состояние – хотя я все еще страдал от боли и не мог свободно двигаться – намного улучшилось. Чтобы мое здоровье окончательно пришло в норму, лечащий врач порекомендовал мне еще одну эпидуральную инъекцию. К сожалению, в коммерческой клинике, где мне делали первый укол, свободных мест не было – все процедуры были расписаны на три недели вперед. Я не хотел ждать так долго и обзвонил несколько ближайших больниц. В одной некоммерческой больнице – весьма известной и пользующейся хорошей репутацией – меня были готовы принять через два дня. Я с радостью согласился.

Когда я приехал в эту больницу, меня встретили несколько весьма любезных пенсионерок и пенсионеров, одетых в аккуратную униформу добровольцев-помощников. Они были искренне доброжелательны – ничего другого я и не ожидал от некоммерческого медицинского учреждения. Затем я, опираясь на палку, доковылял до отделения обезболивания и зарегистрировался.

Подошедшая сестра назвала мое имя, и когда я откликнулся, села рядом со мной в приемной. Она начала расспрашивать меня там же – в присутствии других пациентов. К счастью, «неудобных» вопросов не прозвучало. Тем временем я заметил, что другие сестры разговаривают с больными в приказном тоне. Одна из них велела женщине, явно страдавшей от боли, пересесть на другой стул. Пациентка пояснила, что ей удобнее там, где она находится, но сестра, указав на другой стул, резко оборвала ее: «Нет, пересядьте!» Когда она подошла ко мне, по моему виду, наверно, было ясно, что я не позволю обращаться с собой таким образом. В результате сестра, не произнося ни слова, указала мне на дверь в процедурную, и я прошел туда.

Вошедший врач не представился и не обменялся со мной рукопожатием. Заглянув в историю болезни, он что-то пробормотал себе под нос, а затем велел мне сесть на кушетку, спустить брюки и задрать рубашку. Я заметил: когда мне делали первый укол, меня положили на бок, и так мне было удобнее, поскольку сидя я испытывал боль. Врач ответил, что предпочитает провести процедуру, когда я сижу. Я вновь повторил, что лежать мне удобнее. Тогда он сказал – если пациент сидит, это обеспечивает лучший доступ к больному месту.

Поскольку этот довод касался не только его, но и моих интересов, я уступил. Затем, в отличие от врача в коммерческой больнице, он воцарил в меня иглу и впрыснул обезболивающее с такой неожиданной и болезненной грубостью, что я даже вскрикнул – в прошлый раз подобных неприятных ощущений я не испытывал. Затем врач вынул иглу, сделал заметку в истории болезни и удалился. Сестра вручила мне квитанцию и показала, где выход. Я расплатился и ушел.

Прибыль и сострадание конечно, этих частных наблюдений недостаточно, чтобы судить о сравнительных достоинствах коммерческой и некоммерческой медицины, но сделать кое-какие выводы о сочетании прибыльности с состраданием они позволяют. Я не утверждаю, что добрые люди, способные на сочувствие, трудятся только в коммерческих больницах: пожилые волонтеры в некоммерческой клинике несомненно обладали этими качествами. Но я не могу избавиться от мысли, что у врачей и сестер в коммерческой больнице есть какие-то стимулы, побуждающие их не только делать свое дело, но и сопереживать больным. Так или иначе, если мне понадобится дополнительное лечение или кто-то попросит меня порекомендовать хорошее медицинское учреждение, я сразу подумаю о коммерческой клинике. Но я никогда больше не обращусь в некоммерческую больницу и никогда ее не порекомендую. Причина очевидна: поведение тамошних врачей и сестер не вызывает у меня такого желания. Становится понятно и то, почему в некоммерческой больнице

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* согласились так быстро меня принять – вряд ли найдется много людей, желающих прийти к ним во второй раз.

Этот эпизод не говорит о том, что прибыльность – необходимое и даже достаточное условие для сочувственного, доброжелательного и вежливого обращения с людьми. Я сам работаю в некоммерческой организации, существующей за счет постоянной поддержки многочисленных спонсоров. Если бы я не выполнял своих обязательств перед ними, они прекратили бы финансировать мою деятельность. У нас с коллегами и спонсорами одни и те же стремления, поэтому наши отношения носят гармоничный характер. Но когда спонсоров, работников и «клиентов» (будь то страдающие пациенты или журналисты и работники образования, нуждающиеся в информации и пояснениях) не связывают общие ценности или цели, как это происходит в некоммерческой больнице, мотив получения прибыли служит мощным инструментом, приводящим эти цели к гармонии.

Прибыль, получаемая в рамках четких и юридически гарантированных прав (в отличие от прибыли, достаемойся ловкому вору), может стать основой для сострадания, а не черствости. Стремление к прибыльности заставляет врача учитывать интересы пациента – так сказать, становиться на его место, помнить о страданиях других и сочувствовать им. В условиях рыночной экономики прибыльность бывает синонимом сострадания.

Часть 2 Добровольное взаимодействие и личная выгода

Парадокс нравственности

Мао Юйши

Конфликт интересов в Стране Благородных Людей У китайского писателя Ли Жу-чжэня, жившего в XVIII–XIX столетиях, есть роман «Цветы в зеркале». Его герой Тан Ао терпит неудачу на службе и вместе с шурином отправляется за границу. В ходе путешествия он посещает много стран, видит массу диковинного. Первое государство, где побывала парочка, носит название «Страна Благородных Людей».

Все ее жители намеренно вредят себе ради блага других. В 11-й главе книги описывается ситуация, в которую попал местный судебный пристав (Ли Жу-чжэнь намеренно использует иероглиф, которым обозначалась эта должность в древнем Китае, где пристав обладал особыми привилегиями и часто запугивал простых людей), когда делал покупки: «Пристав, осмотрев пригоршню товара, говорит торговцу: „Друг, у тебя такой качественный товар, а цена на него низкая. Если я воспользуюсь этим, моя совесть не будет спокойна. Повысь цену, иначе наша сделка не состоится“».

Торговец ответил: „Зайдя в мою лавку, вы уже сделали для меня доброе дело. Есть поговорка: продавец задирает цену до небес, а покупатель возвращает ее обратно на землю. Моя цена заоблачно высока, а вы хотите, чтобы я ее еще повысил. Мне трудно на это согласиться. Лучше купите то, что вам нужно, в другой лавке“».

Услышав это, пристав сказал: «Ты продаешь столь качественный товар так дешево. Разве ты не торгуешь себе в убыток? Мы должны поступать без обмана и взвешенно».

Разве не говорят, что у каждого из нас в голове счеты?» Они продолжали спорить, но торговец ни в какую не соглашался повысить цену, и пристав, разгневавшись, купил вдвое меньше товара, чем собирался. Когда он повернулся, чтобы уйти, торговец загородил дверь. В этот момент мимо проходили два старика. Оценив ситуацию, они приняли такое решение: пристав должен забрать 80 % товара и уйти.

Далее в книге описывается другой «торг»: покупатель также считает, что товар очень хорош, а цена на него слишком низкая, но продавец настаивает: товар несвеж, а потому его качество следует считать посредственным. В конечном итоге покупатель отбирает нужное количество из самого худшего товара, что есть у продавца, но собравшаяся толпа людей кричит, что это нечестно, и тогда он берет половину из самого лучшего товара, и половину из самого худшего. В ходе третьей сделки участники ссорятся из-за оценки веса и качества серебра. Человек, расплачивающийся серебром, категорически заявляет, что его монеты отчеканены из некачественного металла и имеют недостаточный вес, а продавец утверждает, что и с качеством, и с весом серебра все в порядке. Когда покупатель расплатился и ушел, продавцу становится настолько стыдно, что он отдает «лишние», на его взгляд, монеты нищему чужестранцу.

В связи с этими эпизодами в глаза бросаются две вещи, заслуживающие дальнейшего анализа. Во-первых, когда обе стороны желают отказаться от своей доли прибыли или настаивают, что она слишком высока, возникает спор. В реальной жизни большую часть споров провоцирует наше желание обеспечить собственные интересы. В результате мы зачастую ошибочно предполагаем: если

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера filom мы поставим себя на место другой стороны, спора не будет. Однако в Стране Благородных Людей решения, принимаемые на основе интересов других людей, а не ваших собственных, тоже приводят к конфликтам, и в результате мы по-прежнему не можем найти логическую основу для социальной гармонии и координации.

Следующий шаг в нашем анализе – признать, что в реальном мире участники деловых транзакций стремятся к собственной выгоде и соглашение достигается в результате переговоров об условиях сделки (включая цену и качество товара). В Стране Благородных Людей такое соглашение невозможно. В романе для разрешения конфликта автор должен задействовать стариков, нищего, а то и принудительные методы [30]. Здесь мы сталкиваемся с одной непреложной и важной истиной: когда каждая из сторон ищет собственной выгоды, переговоры между ними позволяют обеспечить равновесие, но если каждый из участников печется об интересах другой стороны, им никогда не договориться. Более того, общество, построенное на таком принципе, будет в разладе с самим собой. Этот факт полностью противоречит ожиданиям большинства людей, но это так. Если обитатели Страны Благородных Людей не могут найти баланс в отношениях друг с другом, она неизбежно превращается в Страну Бесцеремонных и Бездушных. Поскольку жизнь в этой стране «заточена» под заботу об интересах других, она превращается в питательную среду для подлецов. Когда Благородные Люди не в состоянии совершить обмен, Бесцеремонные и Бездушные могут воспользоваться в своих целях тем, что для Благородных прибыль равносильна отказу от собственных интересов. Если так будет продолжаться долго, Благородных просто не останется – их заменят Бесцеремонные и Бездушные.

Из вышеизложенного явствует, что люди в состоянии сотрудничать, только если они преследуют собственные интересы. Это тот надежный фундамент, на котором человечество может основывать свое стремление к идеальному миру. Если же люди будут напрямую и исключительно искать блага для других, никаких идеалов достичь не удастся.

Конечно, исходя из реальности, мы все, чтобы избежать конфликтов, должны помнить о других людях и находить способы обуздания наших эгоистических желаний. Но если внимание к интересам других станет единственной целью наших поступков, возникнут конфликты вроде тех, что Ли Жу-чжэнь описал в своей Стране Благородных Людей. Наверно найдутся такие, кто скажет, что эти комические эпизоды в реальной жизни невозможны, но, как постепенно становится ясно из романа, события в Стране Благородных Людей и в реальном мире имеют одни и те же причины. Иными словами, ни в реальном мире, ни в Стране Благородных Людей нет ясности относительно принципа следования личным интересам.

Каковы мотивы жителей Страны Благородных Людей? Для начала надо задаться вопросом: «Зачем людям обмен?» Идет ли речь о примитивном бартере или об обмене товара на деньги в современном обществе, мотив неизменен – улучшить собственное положение, сделать свою жизнь более приятной и комфортной. Без этого мотива для чего людям обмениваться, а не трудиться поодиночке? Все материальные блага, что у нас есть – от нитки с иголкой до холодильника и телевизора, – мы получаем за счет обмена. Если бы люди не обменивались, мы могли бы лишь выращивать зерно и хлопок в деревне, строить глинобитные хижины и пытаться вырвать у земли все необходимое для нашего существования. Таким способом человек в состоянии обеспечить себе ту жизнь, которой десятками лет жили наши предки. Но мы несомненно не смогли бы наслаждаться теми благами, что дает современная цивилизация.

У жителей Страны Благородных Людей уже есть государство и рынок, а это означает, что они отказались от натурального хозяйства и выбрали путь обмена, чтобы улучшить свое материальное положение. Но если так, почему в рамках этого обмена они отказываются учитывать собственные интересы? Конечно, если с самого начала цель обмена – лишить преимуществ себя и обеспечить преимущества другим, такое поведение можно назвать «благородным». Но, как известно любому, кто когда-либо участвовал в обмене, обе стороны идут на него ради собственной выгоды, а те, кто в ходе обмена действует вопреки собственной выгоде, страдают непоследовательностью мотивации.

Возможно ли общество, основанное на взаимной выгоде, без переговоров о цене?

В тот период, когда в Китае пропагандировалась биография и деяния Лэй Фэна [31], по телевидению часто можно было видеть его преданных подражателей-альтруистов, ремонтировавших что-то на глазах у собравшихся людей. Затем вы замечали, как к такому человеку выстраивается длинная очередь со старыми бытовыми приборами, нуждающимися в ремонте. Целью подобных репортажей было побудить зрителей брать пример с этого добросердечного подражателя Лэй Фэ-ну. Отметим, что, если бы не длинная

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм очередь, подобная пропаганда потеряла бы убедительность. Отметим и другое: те, кто стоял в этой очереди с кухонной утварью, требовавшей починки, пришли туда не учиться у Лэй Фэна, а получить выгоду за счет других. Возможно, такая пропаганда способна побудить кого-то делать добрые дела, но еще нагляднее она учит тому, как можно извлечь личную выгоду из труда других людей. Раньше считалось, что пропаганда, призывающая безвозмездно помогать людям, способна улучшить состояние общественной морали. Но это мнение почти наверняка ошибочно, поскольку тех, кто поймет, каким образом можно получить в этой ситуации какую-то выгоду для себя, будет гораздо больше, чем тех, кто под ее воздействием станет бескорыстно служить ближнему.

С экономической точки зрения обязанность всех служить другим – чистое расточительство. Те, кого привлечет предлагаемый бесплатный ремонт, вполне возможно принесут изделия, которые и чинить не стоит – не исключено даже, что они подобраны на помойке. Но поскольку стоимость ремонта в этом случае равна нулю, существующий дефицит времени из-за починки этих приборов увеличится, как и дефицит материалов – за счет того их количества, что будет использовано при ремонте. Поскольку бремя починки изделий ложится на плечи других, единственные издержки для среднестатистического претендента на бесплатный ремонт связаны со временем, что он отстоит в очереди. С точки зрения общества в целом, результатом затрат времени, труда и материалов на ремонт этих неисправных предметов будет лишь какое-то количество едва пригодной для использования кухонной утвари. Если бы затраченное время и материалы были использованы в более продуктивных целях, это, несомненно, принесло бы обществу больше пользы. В плане экономической эффективности и общего блага подобная обязательная и бесплатная работа, безусловно, приносит больше вреда, чем пользы.

Более того, если еще кто-то из добросердечных последователей Лэй Фэна встанет в очередь, чтобы кому-то из желающих починить прохудившуюся кастрюлю не пришлось тратить время на ожидание, эта очередь станет еще длиннее. Это была бы действительно абсурдная ситуация: люди занимают очередь, чтобы другим не надо было в ней стоять. Подобная «обязаловка» по определению предполагает наличие тех, кто желает, чтобы им таким образом помогли. Такая «этика добрых дел» не может быть всеобщей. Очевидно, те, кто доказывает превосходство системы взаимных безвозмездных услуг, не учли это обстоятельство.

Обязанность чинить чужое имущество оборачивается еще одним непредвиденным результатом. Если последователи Лэй Фэна вытеснят профессиональные ремонтные мастерские, те, кто там трудится, потеряют работу и, таким образом, пострадают. Я никоим образом не возражаю против примера Лэй Фэна: ведь он по собственному выбору помогал нуждающимся, а для общества это не только полезно, но и необходимо. Однако, если такая помощь другим становится обязательной, это создает непоследовательность, беспорядок и искажает смысл добровольных действий Лэй Фэна.

В нашем обществе есть и откровенные циники, и те, кто презирает социум за то, что он, по их мнению, ставит на первое место деньги. Они считают, что жизнь богачей безбедна, что богатые ставят себя выше общества, а бедняки страдают ради человечества. Они убеждены, что деньги портят отношения между людьми. В результате эти люди стремятся создать общество, основанное на взаимных услугах, в котором о деньгах и ценах никто даже не заикается. В таком обществе крестьяне должны обрабатывать землю, не думая о вознаграждении за свой труд, ткачи – также безвозмездно изготавливать ткани, парикмахеры – бесплатно стричь людей и так далее. Возможно ли на практике подобное идеальное общество?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к экономической теории распределения ресурсов, на какое-то время отклонившись от нашей непосредственной темы. Для наглядности начнем с мысленного эксперимента. Возьмем парикмахера. Обычно люди стригут волосы раз в три-четыре недели, но если услуги парикмахера станут бесплатными, они, возможно, станут это делать раз в неделю. Плата за стрижку позволяет более рационально использовать труд парикмахера. В условиях рынка доля трудозатрат общества на стрижку волос определяется ценой на эти услуги. Если государство искусственно занижает эту цену, число желающих постричься возрастает и, следовательно, обществу требуется больше парикмахеров. Соответственно, при константной величине трудовых ресурсов, в других профессиях возникает дефицит рабочих рук. Естественно, сказанное относится не только к профессии парикмахера, но и к любому роду занятий.

Во многих сельских районах Китая бесплатная помощь другим – весьма распространенное явление. Если кто-то строит себе дом, в этом участвуют его родные и друзья. Как правило, они работают бесплатно: хозяин дома лишь устраивает для своих добровольных помощников хороший обед. Но когда кому-то

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *filo* из друзей и родственников тоже нужно построить дом, этот хозяин в качестве компенсации тоже приходит им на помощь. Ремонтники тоже зачастую чинят электроприборы бесплатно, ожидая лишь подарка на китайский Новый год. Подобные обмены немонетарного характера не позволяют точно определить стоимость оказываемых услуг. Соответственно, нет и эффективной оценки стоимости трудозатрат, и стимулов к разделению труда. Деньги и цены играют важную роль в развитии общества. Конечно, деньги не заменяют такие чувства, как любовь и дружба. Из этого, однако, не следует, что любовь и дружба способны заменить деньги. От денег нельзя отказаться просто из-за наших опасений, что они могут подорвать эмоциональные связи между людьми. На деле цены в денежном эквиваленте – единственный механизм, позволяющий определить, как наиболее продуктивно распределять имеющиеся ресурсы. Не отказываясь ни от цен и денег, ни от наших высоких чувств и принципов, мы можем надеяться на построение общества, отличающегося как эффективностью, так и гуманностью.

Баланс личных интересов

Представим, что А и Б надо поделить между собой два яблока. А первым протягивает руку и хватает то яблоко, что побольше. Б с горечью спрашивает: «Как можно быть таким эгоистом?» А парирует: «А если бы ты успел первым, какое яблоко ты бы взял?» А отвечает: «То, что поменьше». На это А со смехом замечает: «В таком случае сделанный мною выбор полностью соответствует твоим пожеланиям».

В рамках этого сценария А получил выгоду за счет Б, который «ставил интересы другого выше своих собственных». Если такому принципу следует только один из сегментов общества, его представители страдают от этого, а члены других общественных групп получают выгоду. Если подобную ситуацию не обуздать, она неизбежно приведет к конфликту. Очевидно, если только некоторые из людей ставят чужие интересы выше своих, такая система в конечном итоге породит лишь ссоры и беспорядок.

Но если и А, и Б заботятся об интересах другой стороны, обрисованную нами проблему с яблоками решить вообще невозможно. Когда каждый из них претендует на меньшее яблоко, возникает новая проблема, которую мы знаем по эпизодам в Стране Благородных Людей. Причем это относится не только к А и Б, но и к любому человеку. Если все члены общества, кроме одного, следуют принципу служения другим, то все общество будет действовать во благо этого единственного человека; такая система с логической точки зрения возможна. Но если и этот человек превратится в приверженца упомянутого принципа, общество перестанет быть обществом, то есть механизмом сотрудничества. Принцип служения другим можно реализовать лишь при условии, что заботу об интересах общества в целом можно кому-то делегировать. Однако в масштабах всей планеты такое невозможно – разве что если заботу об интересах всего населения Земли возьмут на себя марсиане.

Причина этой ситуации кроется в том, что с точки зрения общества в целом разницы между «самим собой» и «другими» не существует. Конечно, для конкретного человека он сам – это он сам, а другие – это другие. Однако с точки зрения общества каждый человек – одновременно и «он сам», и «другой». Когда конкретный индивид А исповедует принцип « послужи другим прежде, чем послужишь себе », он должен в первую очередь думать о выгодах и ущербе для других. Но если того же принципа придерживается индивид Б, для него А становится человеком, чьи интересы он должен учитывать в первую очередь. Для членов одного общества вопрос о том, должны ли они в первую очередь думать о других или другие должны в первую очередь думать о них, напрямую ведет к неразберихе и противоречиям. Таким образом, в данном контексте принцип самоотверженности является логически непоследовательным и противоречивым, а потому он не способен выполнять функцию решения многочисленных проблем, возникающих в отношениях между людьми. Это, конечно, не означает, что бескорыстие или учет интересов других недостойны похвалы: речь идет лишь о том, что они не могут обеспечить универсальную основу, позволяющую всем членам общества увязывать свои взаимные интересы. Те, кто пережил «культурную революцию», наверняка помнят: когда компартия выбросила лозунг «Боритесь против эгоизма, критикуйте ревизионизм» (*dousi rixiu*), количество «заговорщиков» и карьеристов в стране достигло пика. В то время большинство простых китайцев (*laobaixing*) верили, что этот лозунг может стать социальной нормой, и потому изо всех сил старались ему следовать. Но в то же время конъюнктурщики применяли лозунг «Боритесь против эгоизма, критикуйте ревизионизм» как средство получить выгоду за счет других. Кампанию против эксплуатации они использовали в качестве предлога, чтобы обыскивать дома других людей и присваивать их имущество. Они призывали других покончить с эгоизмом и ради дела революции признать себя предателями, шпионами или контрреволюционерами, прибавив еще один пункт к списку своих прегрешений. Не колеблясь, эти карьеристы ставили под

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* угрозу жизнь других – и все это ради получения государственной должности. До сих пор мы анализировали проблемы с принципом «послужи сначала другим, а потом себе» на теоретическом уровне, но история «культурной революции» служит доказательством противоречивости этого принципа в его практическом воплощении.

«Культурная революция» сегодня – далекое прошлое, но не стоит забывать, что в то время все лозунги подвергались критическому разбору. Сейчас этого не происходит, поскольку вопрос о том, какой принцип позволяет лучше всего решать проблемы общества, похоже, перестал быть предметом анализа. Однако мы до сих пор часто используем старые пропагандистские клише, призывая людей урегулировать споры, причем эти устаревшие методы нередко оказывают существенное влияние даже на ход судебных разбирательств.

У читателей, искушенных в мысленных экспериментах, несомненно возникнут дополнительные вопросы относительно упомянутой проблемы с распределением двух яблок между двумя людьми. Если мы согласимся с тем, что принцип «послужи другому прежде, чем себе», как правило, не позволяет решить эту проблему наилучшим образом, то означает ли это, что более эффективного способа ее решения не существует? Вспомним: у нас есть яблоко побольше и яблоко поменьше, и в их распределении участвуют лишь два человека. Неужели даже легендарные китайские философы не нашли бы приемлемого решения для этого случая?

Решение «головоломки» действительно существует – в рамках общества, построенного на обмене. Для этого упомянутые индивиды могут для начала проконсультироваться друг с другом. Представим себе, что А, выбрав яблоко побольше, предлагает Б в следующий раз забрать большее яблоко себе, или как-то компенсировать ему ущемление его интересов. В частности, преодолеть затруднительную ситуацию помогла бы денежная выплата. В условиях товарно-денежных отношений несомненно найдутся желающие воспользоваться именно этим методом. Начать можно с предложения о небольшой компенсации (в один цент, например), а затем повышать сумму до тех пор, пока другая сторона не согласится взять яблоко поменьше плюс деньги. Если начальная сумма очень мала, можно предположить, что обе стороны захотят взять большее яблоко и заплатить компенсацию. Но по мере ее увеличения наступит момент, когда одна из сторон согласится на маленькое яблоко вместе с компенсацией. Можно суверенностью сказать: если обе стороны оценивают проблему рационально, они найдут способ разрешить спор. Таким образом, данный метод позволяет мирным путем урегулировать конфликт интересов.

Сегодня, через тридцать лет после начала реформ и либерализации в Китае, на повестке дня снова оказался вопрос о бедных и богатых, и враждебность по отношению к последним нарастает с каждым днем. В период, когда упор делался на классовую борьбу, в начале каждой массовой кампании лишения прошлого противопоставлялись счастливой жизни в настоящем. Прежнее общество осуждалось, а эксплуатация человека человеком при старом режиме использовалась для возбуждения ненависти народа. Когда в 1966 году началась «культурная революция» (кампания по искоренению зол прежней классовой системы), во многих районах страны потомков землевладельцев закапывали в землю живьем, хотя большинство самих помещиков к тому времени уже умерли. Не щадили никого – ни стариков, ни молодых, ни даже женщин и детей. Есть поговорка: как не бывает беспричинной любви, так не бывает и беспричинной ненависти. Откуда же взялась эта ненависть к детям землевладельцев? Ее причиной стала страстная убежденность людей в том, что эти потомки «застолбили» себе место в мире за счет эксплуатации. Сегодня разрыв между богатством и бедностью вновь стал более выраженным. Но хотя кое-кто из новых богачей сколотил состояние незаконными методами, пропасть между богатыми и бедными неизбежна в любом обществе. Даже в развитых странах, где незаконные возможности обогащения крайне ограничены, этот феномен существует повсеместно.

Логика, лежащая в основе неприязни к богатым, страдает изъянами. Если вы не любите богачей потому, что сами пока не разбогатели, наиболее рациональный способ действий – свергнуть богатых, подождать, пока сам не разбогатеешь, а затем принять меры для защиты интересов богачей. Для определенной группы людей такой путь действительно самый логичный. Но для общества в целом скоординировать этот процесс таким образом, чтобы все его члены разбогатели одновременно, невозможно. Кто-то обогатится раньше других, и если ждать, пока все в равной мере станут богатыми, не разбогатеет никто. Неприятие богачей неоправданно, поскольку бедные могут разбогатеть лишь в том случае, если право на обогащение гарантировано всем, если никто не мешает вам пользоваться плодами своего труда, а права собственности соблюдаются. Общество, где все больше людей обретают богатство и согласны с тем, что это «достойно похвалы», вполне реально построить.

Некогда китайский ученый Ли Мин отметил: делить людей на «богатых» и

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* «бедных» неправильно. Различие надо проводить между теми, кто имеет права, и теми кто бесправен. Он имел в виду тот факт, что в современном обществе вопрос богатства и бедности – это, по сути, вопрос прав. Богатые сколотили состояние, потому что обладают правами, а у бедных их нет. Под «правами» он наверняка подразумевал права человека, а не привилегии. Все граждане не могут иметь доступ к привилегиям, ими обладает лишь небольшое меньшинство. Если мы хотим решить вопрос с богатыми и бедными, надо для начала предоставить всем равные права. Вывод Ли Мина в этом смысле безупречен. Нравственная логика равенства и неравенства в рыночном обществе

Леонид Никонов

Результаты функционирования рынка не всегда соответствуют принципу равенства, и участие в нем не требует равных стартовых условий. Но это не прискорбные издержки рынка. Неравенство не просто нормальный результат рыночного обмена – это предпосылка обмена, без которой он утрачивает смысл. Ожидать, чтобы итоги рыночного обмена, а значит, и деятельности общества, где богатство распределяется через рыночные механизмы, соответствовали критерию равенства – просто абсурдно. Для функционирования свободного рынка необходимы равные основополагающие права, в том числе равное право участвовать в обмене, но от него нельзя ожидать результатов, отвечающих принципу равенства, и основано оно на равенстве юридических прав, а не условий.

Идеал равного обмена может означать равенство стартовых условий или равенство результатов. Если речь идет о первом варианте, участники равного обмена должны быть равны во всех отношениях: любое различие придаст ему неравный характер – по этой причине некоторые считают неравным, а значит, и несправедливым, трудовой договор между работодателем и наемным работником. Во втором варианте речь идет об обмене равной стоимости, или о том, что его результаты для участников равны по стоимости. К примеру, обмен будет соответствовать критериям равенства, если речь идет о переходе из рук в руки одинакового объема товаров одного и того же качества. Представьте себе сюрреалистическую картину: два человекообразных существа, как две капли воды похожих друг на друга (то есть не имеющих личностных отличий, представляющих собой одну из форм неравенства), передают друг другу совершенно идентичные вещи. Оставляя в стороне эстетическое неприятие столь противоестественного зрелища, следует отметить: простой здравый смысл указывает на то, что сама идея равного обмена содержит в себе глубокое противоречие. Подобный обмен ничего не меняет: он не улучшает положения ни одной из сторон, а значит, ни у одной из сторон нет причин, чтобы его совершать. (Карл Маркс настаивал, что на рынке обменивается равная стоимость, что лишило его экономическую теорию смысла и последовательности.) Привязка рыночного обмена к принципу равенства лишает его основополагающей причины, то есть выгоды для участников обмена. Экономический механизм обмена основан на признании неравной оценки товаров и услуг его участниками.

Тем не менее в этическом плане принцип равенства имеет в глазах некоторых привлекательность. Общая черта многих моральных суждений заключается в том, что они сформулированы в чисто деонтической модальности, то есть по логике должного. Они касаются лишь того, что должно быть, независимо от экономической логики, или того, что есть, и даже того, что будет из-за того, что должно быть сделано. Иммануил Кант утверждал: долг требует реализации вне зависимости от результатов, последствий и даже возможности сделать то, что должно быть сделано. Ты должен – значит, ты можешь. Поэтому, даже если равенство обмена абсурдно с экономической точки зрения, его можно поддерживать в качестве морального идеала.

Равенство как вопрос нравственный – весьма сложная проблема. Здесь можно провести различие между позицией, в рамках которой достижение равенства – это главное, и позицией, не придающей этому основополагающего значения. Первая называется эгалитаризмом, а вторая – антиэгалитаризмом. При этом антиэгалитаристы не обязательно считают равенство нежелательным, а неравенство желательным: они просто отвергают сосредоточенность эгалитаристов исключительно на равенстве в ущерб другим целям, и особенно на обеспечении равенства в материальном достатке. Антиэгалитаристы, представляющие классический либерализм (или либертарианство), даже считают необходимой определенной форму равенства – равенство основополагающих прав, не означающее, по их мнению, равенства результатов. Таким образом, их можно тоже считать эгалитаристами, но иного толка. (На равенстве прав во многом построены юриспруденция, система собственности и толерантность, которые члены современного свободного общества считают само собой разумеющимися.) Они считают равноправие самой «чистой», последовательной и устойчивой формой равенства, но сторонники равенства в «распределении» богатства

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* утверждают, что эта либертарианская концепция представляет собой равенство чисто формальное, равенство на словах, а не на деле. (Они правы в том, что идея равноправия относится к образу мысли и действия, а не к зримому состоянию мира или статичному распределению активов. Является ли такой подход к равенству формальным или относится к существу дела, зависит от того, какое значение придается правовым процедурам и поведенческим стандартам.)

Часто случается, что сложные философские проблемы обсуждаются до того, как бывают четко сформулированы и поставлены. Так, тысячи лет философы Запада и Востока создавали этические доктрины, а систематический анализ суждений о должностовании и перформативной логике произошел позднее. Эту работу всерьез начали Давид Юм и Иммануил Кант, продолжили философы-позитивисты (Джордж Мур, Альфред Айер, Ричард Хэйр и другие); исследование деонтической и перформативной логики не закончено до сих пор. Хотя спор между эгалитаристами и антиэгалитаристами не ограничивается вопросом о логической связи между равенством и моралью, прояснение соотношения между ними стало бы ценным вкладом в продолжающуюся активную дискуссию относительно допустимости с нравственной точки зрения принудительного перераспределения неравных плодов рыночного обмена. (Это не имеет никакого отношения к возвращению владельцам ресурсов, отобранных у законных собственников правителями государств или «обычными» преступниками.)

Рассмотрим проблему моральной природы равенства, сформулировав простой вопрос: чем равенство стартовых условий или результатов с нравственной точки зрения лучше неравенства (или наоборот)? Это прямой вопрос, который всегда должен быть адресован эгалитаристам и антиэгалитаристам, если мы желаем честно выяснить, насколько обоснованы их этические позиции. Круг возможных ответов ограничен. Во-первых, можно попытаться доказать, что определенные числовые соотношения (равенство или неравенство) лучше всех остальных. Например, отношение X к Y хорошо в случае, если значения, принимаемые переменными, равны, и плохо, когда они не равны. То есть 1:1 лучше, чем 1:2 (не говоря уж об 1:10). Однако, несмотря на всю ясность подобной позиции, вопрос о моральных преимуществах так просто не решается. Из описания связей математических объектов не выводится оценка. В самом деле, числовые соотношения этически нейтральны, и утверждать, что одно лучше или хуже прочих, можно лишь произвольно, в том же смысле, в каком пифагорейцы подразделяли числа на мужские, женские, дружественные, неполноценные и так далее.

Возможно, в качестве основы для анализа отношений между людьми (в том числе обмена) целесообразнее будет сосредоточить внимание не на равенстве стартовых условий и результатов, а на равенстве или неравенстве морального статуса людей. Иными словами опорой здесь будет выступать утверждение: в моральном плане каждый человек не лучше и не хуже любого другого (или, соответственно, некоторые люди лучше или хуже остальных). Отсюда следует вывод о желательности равенства или неравенства стартовых материальных условий или результатов обмена. Обе эти точки зрения могут сойтись на необходимости принудительного перераспределения благ – либо для ликвидации неравенства, либо для его утверждения, и в обоих случаях центральным аргументом будет моральный статус человека, хотя между самой идеей морального статуса и реальными ситуациями, с которыми сталкиваются люди, лежит непреодолимая концептуальная пропасть.

При такой постановке задачи главный вопрос звучит так: существует ли связь между моральным статусом человека, с одной стороны, и количеством, качеством и стоимостью товаров, которыми он распоряжается, с другой. И из этого логически вытекает следующий вопрос: почему два одинаково хороших человека должны пить по утрам кофе одного и того же качества и цены в одинаковом количестве? Или почему щедрый человек и его сосед-скупердяй, обладающие равным моральным статусом (так ли это, кстати?) должны – или не должны – иметь цветущие сады, приносящие одинаково ценный урожай? Получается, что равный моральный статус не имеет особого значения с точки зрения равенства стартовых условий, имущества и потребления. Рассмотрим аналогию с игроками в шахматы, которые по определению имеют равный моральный статус. Означает ли это, что их способности тоже должны быть равны и каждая игра должна заканчиваться вничью? Или это значит только, что они играют по одним и тем же правилам, из чего отнюдь не вытекает нормативный вывод о ничейном результате матчей? Таким образом, прямой связи между моральным статусом человека, его стартовым материальным положением и конечным результатом не существует.

Если же мы сосредоточимся на поведении человека и правилах, которыми он руководствуется, выяснится, что положение определяется его поведением, выбором и (особенно в тех случаях, когда дело идет о правонарушениях) намерениями. То, сколько денег у него в кармане и насколько это количество

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* меньше, либо больше, чем у его соседей, – это критерий, совершенно не значимый для оценки. Справедливым и несправедливым может быть и магнат, и таксист, в зависимости оттого, насколько их действия соответствуют универсальным моральным стандартам, то есть насколько они уважают нормы справедливости и самостоятельную личность в себе и других. Похвалу и порицание люди заслуживают не богатством или бедностью как таковыми, а своими действиями. Различное положение дает различные возможности для хороших и плохих поступков, для добродетельности или порока, для справедливости и несправедливости, но эти стандарты определяют поведение людей, а не их благосостояние или результаты их действий. Равное применение стандартов представляет собой реализацию равного морального статуса, на основе которого мы можем давать нравственную оценку поведению людей. Моральное равенство означает, что преступление – это преступление, независимо от того, совершено оно таксистом или магнатом, а честная сделка, приносящая прибыль, – это честная сделка, независимо от того, кто в ней участвует: два таксиста, два магната, или магнат и таксист.

Вернемся к вопросу о связи между богатством и равенством. Богатство может быть результатом как честных поступков, так и насилия. Результатом рыночного обмена может быть как усиление неравенства, так и усиление равенства, а вмешательство государства и перераспределение богатства его руками также может приводить и к тому, и к другому. Обе эти формы взаимодействия не связаны изначально с равенством или неравенством. Предприниматель, создающий материальные блага, может быть богаче другого человека, хотя процесс создания благ приносит выгоду и этому другому. Обмены на свободном рынке могут способствовать равенству – за счет повышения общего уровня благосостояния и подрыва несправедливых привилегий власть имущих, унаследованных от прежней системы. В то же время грабитель, обворовавший кого-то, может в результате стать богаче жертвы, что усиливает неравенство, или иметь столько же, сколько пострадавший, что усиливает равенство. Аналогичным образом, вмешательство организованной машины принуждения – государства – способно порождать крайне высокое имущественное неравенство – либо путем аннулирования решений, принимаемых рыночными игроками (за счет протекционистской политики, субсидий и «присвоения ренты»), либо путем прямого грубого насилия, как это происходило в странах, где у власти находились коммунисты. (Официально заявленная приверженность равенству не означает равенства на практике – об этом свидетельствует горький опыт многих десятилетий.)

Вопрос о том, способствует ли та или иная правовая и экономическая система, к примеру, выравниванию доходов, носит эмпирический, а не концептуальный характер. В докладе «Экономическая свобода в мире» (www.freetheworld.com) оценивается уровень экономической свободы в разных странах, и полученные показатели сравниваются по ряду индикаторов материального благосостояния (таких как средняя продолжительность жизни, уровень грамотности населения, распространенность коррупции, среднедушевые доходы и др.). Эти данные свидетельствуют не только о том, что по уровню благосостояния жители стран с наиболее свободной экономикой намного превосходят остальных, но и о том, что имущественное неравенство (выраженное в доле национального дохода, достоящейся самым бедным 10 % населения) не является результатом той или иной экономической политики, а объем получаемых доходов – является.

Разделив страны мира на квартили (каждый из них включает 25 % государств), мы получаем такой результат: средняя доля национального дохода, достоящая самым бедным 10 % населения, на 2008 год (за более поздний период данных не имеется) в квартиле наименее свободных стран (туда входят, в частности, Зимбабве, Мьянма и Сирия) составляла 2,4 %, в третьем по уровню свободы квартиле – 2,19 %, во втором квартиле – 2,27 %, и в квартиле наиболее свободных стран – 2,58 %. Различия здесь, как мы видим, невелики. Это означает, что на ситуацию с неравенством доходов степень экономической свободы не влияет. В то же время объем доходов, получаемых самыми бедными 10 % населения, различается очень сильно, и именно потому, что на эту переменную экономическая политика государства несомненно воздействует. Быть бедным в наименее свободных странах означает иметь доход всего 910 долларов в год, в то время как беднейшие граждане стран со свободной рыночной экономикой имеют 8474 доллара. Иными словами, если вы входите в состав самых бедных 10 % населения, вам намного лучше живется в Швейцарии, чем в Сирии.

Таким образом, вопрос о том, имеем ли мы с вами равное имущественное положение до свободного обмена или по его результатам, сам по себе не носит нравственного характера. С другой стороны, отказ от равного отношения к равным в моральном плане людям и единых для всех правил в попытке достичь большего равенства (такие попытки, как правило, не приводят к успеху, поскольку манипулировать подобными результатами непросто) несомненно

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* представляет собой нравственную проблему. Здесь важно нарушение морального равенства.

Самая скандальная проблема, связанная с имущественным неравенством, заключается не в неравенстве богатых и бедных в экономически свободных странах, а в гигантском разрыве между благосостоянием людей в странах со свободной и несвободной экономикой. Этот разрыв между богатством и бедностью несомненно можно устранить, изменив правила игры, то есть экономическую политику. Освобождение людей в экономически несвободных обществах породит громадный объем материальных благ, что будет способствовать ликвидации пропасти между богатыми и бедными в мировом масштабе куда больше, чем любые другие мыслимые меры. Более того, подобный результат станет позитивным следствием реализации принципа справедливости, элитизма, милитаризма, социализма, коррупции и жестокого насилия со стороны властей. Экономическая свобода, то есть единые стандарты справедливости и равное уважение к праву всех людей на производство и обмен, – единственно верный критерий справедливости для моральных субъектов.

Адам Смит и миф о человеческой жадности

Том Дж. Палмер

Часто приходится слышать, будто Адам Смит считал: если люди будут руководствоваться исключительно эгоистическими побуждениями, дела в нашем мире пойдут на лад – так сказать, «алчность – двигатель прогресса». На самом деле он, конечно, не утверждал, что нашу жизнь можно улучшить, опираясь только на эгоистические мотивы, и никогда не поощрял эгоизм. Уже один тот факт, что в «Теории нравственных чувств» он уделяет столько внимания роли «беспристрастного наблюдателя», должен положить конец этому неверному толкованию. Смит не поднимал на щит эгоизм, но и не был настолько наивен, чтобы думать, будто сделать наш мир лучше способна лишь бескорыстная приверженность благу других (на деле или на словах). Как отмечает Стивен Холмс в своем любопытном исследовании «Тайная история личных интересов» [32], Смит очень хорошо осознавал, к каким деструктивным последствиям могут привести такие не связанные с выгодой страсти, как жадность, злоба, месть, фанатизм и т. п. Бескорыстные фанатики из испанской инквизиции творили зверства в надежде, что перед смертью страдающие от мук еретики покаются и заслужат прощение от Господа. Эта доктрина называлась «оправдание искуплением». Гумберт из Романса в своих указаниях инквизиторам настаивал, чтобы они обосновывали перед папской властью наказания, назначенные еретикам, следующим образом: «Мы молим Господа и просим вас, дабы вы молили его вместе со мной, чтобы он в своей бесконечной милости даровал наказуемым терпение, с которым они переносили бы кару, коей мы предлагаем их подвергнуть (во имя справедливости, но с глубокой скорбью), и тем самым заслужили спасение. Для этого мы и налагаем на них сии наказания» [33]. По мнению Смита, подобная бескорыстная преданность благу других в нравственном плане ничуть не лучше «эгоистичного» стремления купца обогатиться за счет продажи пива и соленой рыбы людям, испытывающим жажду и голод.

Смита нельзя назвать безоговорочным сторонником эгоистических поступков, ведь ответ на вопрос о том, направит ли «невидимая рука» подобные мотивы на службу всеобщему благу, очень во многом зависит от контекста совершаемых действий, и особенно от институционального устройства общества.

Порой эгоцентрическое желание нравиться другим способно подвигнуть нас на нравственные поступки, заставляя задуматься, как мы выйдем в глазах других людей. В межличностных отношениях небольшого масштаба, о которых в основном и идет речь в «Теории нравственных чувств», подобная мотивация может обернуться общим благом, поскольку она побуждает «и нас желать, чтобы мы внушили самим себе такие же приятные чувства, чтобы нас любили и превозносили так же, как тех, которых мы сами более всего любим и превозносим», и требует от нас «стать беспристрастными судьями своих собственных поступков» [34]. Даже чрезмерная приверженность личным интересам в правильном институциональном контексте может приносить пользу другим, как в рассказанной Смитом истории о выходе из бедной семьи: движимый амбициями, он без устали сколачивает состояние, но после многих десятилетий упорного труда понимает, что нищий, нежащийся на солнышке у дороги, ничуть не менее счастлив, чем он. Чрезмерная забота этого человека о личных амбициях и интересах тем не менее принесла благо человечеству, поскольку созданное и накопленное им богатство обеспечило существование многих – ведь «своей деятельностью человек заставил землю удвоить свое первоначальное плодородие и питать большее число людей» [35].

В общем политэкономическом контексте, описанном во многих пассажах «Исследования о природе и причинах богатства народов», в частности в тех,

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* где речь идет о взаимодействии с институтами государства, – погоня за личными интересами с меньшей вероятностью приводит к позитивным результатам. К примеру, личные интересы купцов побуждают их добиваться от власти создания картелей, принятия протекционистских мер и даже развязывания войн: «Ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании также нелепо, как ожидать осуществления в ней „Океании“ или „Утопии“». Этому непреодолимо препятствуют не только предубеждения общества, но и частные интересы многих отдельных лиц, которые еще труднее одолеть» [36]. Мелкие барыши, наживаемые купцами на монополиях, в случае создания империй или войн оборачиваются ужасным бременем для общества в целом: «В общей системе законов, установленных для управления нашими американскими и вест-индскими колониями, интересы отечественного потребителя были принесены в жертву интересам производителя еще в гораздо больших размерах, чем во всем остальном нашем торговом законодательстве. Была организована огромная область с единственной целью создать нацию потребителей, обязанных покупать из магазинов различных наших производителей все товары, которыми они могут снабжать их. Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален весь расход по содержанию и защите этой области. Для этой и только этой цели на две последние войны было израсходовано более 200 млн и был заключен новый государственный долг, превышающий 170 млн, в добавление ко всем издержкам на ту же цель в предыдущих войнах. Одни проценты по этому долгу превышают не только всю ту добавочную прибыль, которую когда-либо могла давать монополия колониальной торговли, но и всю стоимость оборотов этой торговли или всю стоимость товаров, которые в среднем вывозились ежегодно в колонии» [37]. Таким образом, суждение Смита о тезисе Гордона Гекко, вымышленного персонажа из фильма Оливера Стоуна «Уолл-стрит», «жадность – это хорошо» можно однозначно сформулировать как «иногда хорошо, иногда нет» (если считать личный интерес и жадность синонимами). Ответ здесь зависит от институциональной среды.

Но как же быть с распространенным мнением о том, что рынок способствует эгоистическим поступкам, что психологический настрой, порождаемый обменом, стимулирует эгоизм? Мне не известно ни одного веского довода в пользу того, что рынок поощряет эгоизм или жадность, в том смысле, что рыночное взаимодействие усиливает элемент жадности или склонность людей к эгоизму в большей степени, чем положение дел в тех странах, где государство подавляет и подрывает рыночные отношения, либо вмешивается в них. На деле рынок дает как стопроцентным альтруистам, так и закоренелым эгоистам максимальные возможности беспрепятственно реализовывать свои стремления. Те, кто посвятил жизнь помощи другим людям, используют рыночные механизмы для осуществления своих целей в такой же степени, как и те, кто жаждет личного обогащения. Некоторые из последних, кстати, накапливают богатство, чтобы иметь больше возможностей помогать другим. Достаточно вспомнить Джорджа Сороса и Билла Гейтса: они зарабатывают огромные деньги как минимум отчасти для того, чтобы помогать другим за счет масштабной благотворительной деятельности. Богатство, созданное в рамках стремления к прибыли, позволяет им быть щедрыми.

Филантроп или бесребреник использует свои деньги, чтобы накормить, одеть и утешить максимальное число людей. Рынок позволяет тому, кто хочет помочь нуждающимся, найти одеяла, продовольствие и лекарства по самым низким ценам. Он обеспечивает создание богатства, которое можно использовать для помощи тем, кому не повезло, и дает щедрым людям максимум возможностей, чтобы заботиться о других. Рынок, таким образом, способствует благотворительной деятельности.

Очень многие ошибочно полагают, что все цели людей продиктованы исключительно «личными интересами», которые к тому же отождествляются с «эгоизмом». Цели людей, действующих на рынке, действительно носят личный характер, но как целеустремленные личности мы также волнуемся об интересах и благосостоянии других – наших родных, друзей, соседей и даже незнакомцев. Филипп Уикстид дает детализированное определение мотивов рыночного обмена. Вместо слова «эгоизм» применительно к причинам участия в таком обмене (ведь на рынок можно выйти, к примеру, чтобы купить еду для бедняков) он придумал понятие «несамоотреченность» (*non-tuism*) [38]. Мы можем продавать нашу продукцию, чтобы на вырученные деньги помочь друзьям и даже совершенно незнакомым людям, но, торгуясь по поводу цены, мы чаще всего не заботимся о том, чтобы облагодетельствовать того, с кем мы торгуемся. В противном случае речь идет не только об обмене, но и о даре, что несколько искажает природу обмена. Тех, кто переплачивает за что-то, вряд ли можно назвать хорошими бизнесменами: как отмечает Г.Б. Акстон в своей книге «Нравственность рынка» [39], ведение бизнеса себе в убыток – опрометчивый,

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* а то и просто глупый подход к благотворительности.

Тем, кто ставит политическую деятельность выше производственной и коммерческой, стоит вспомнить, что политика способна приносить огромный вред и лишь изредка – пользу. Вольтер еще до появления трудов Смита четко осознавал это различие. В своем эссе «О торговле» в «Письмах об английской нации» (Вольтер написал их на английском, которым хорошо владел, а затем создал французский вариант, опубликованный под названием «Философские письма») он отмечал: «Во Франции распоряжаются маркизы, и любой из них, прибыв в Париж из глубокой провинции с шальными деньгами и титулом маркиза Ака или Иля, может говорить о себе: „Человек, подобный мне, человек моего положения“ – и гордо презирать негоцианта; сам негоциант так часто слышит презрительные отзывы о своей профессии, что имеет глупость за нее краснеть. Однако я не знаю, какая из этих двух профессий полезнее государству – профессия ли напудренного вельможи, которому точно известно, в какое время встает ото сна король и когда он ложится, и который принимает величественный вид, играя роль прихлебателя в приемной министра, или же профессия негоцианта, обогащающего свою страну, раздающего из своего кабинета приказания Сюратту и Каиру и содействующего процветанию всего света» [40].

Торговцам и капиталистам не стоит краснеть, когда современные политики и интеллектуалы смотрят на них свысока, критикуют то, осуждают это, требуя при этом, чтобы коммерсанты, предприниматели, работники, инвесторы, ремесленники, фермеры, изобретатели и другие производители создавали богатство, которое политики конфискуют, а антикапиталистически настроенные интеллигенты презирают, но жадно потребляют.

Рынок основан на эгоизме и предполагает эгоистические побуждения не больше чем политика. Точно так же он не больше чем политика стимулирует эгоистические поступки и мотивы. При этом, в отличие от политики, свободный обмен на добровольной основе создает богатство и способствует миру – а это те предпосылки, что позволяют расцветать щедрости, дружбе и любви. И это многого стоит – что отлично понимал Адам Смит.

Айн Рэнд и капитализм: нравственная революция

Дэвид Келли

...

В нашей власти начать строить мир заново.

Томас Пейн, «Здравый смысл», 1792

Кризис на финансовых рынках, как и следовало ожидать, спровоцировал резкий рост антикапиталистических настроений. Хотя одной из главных причин рецессии стало государственное регулирование, противники капитализма и их помощники из СМИ возложили всю вину на рыночные механизмы и потребовали еще больше ограничить их действие. Правительству уже в беспрецедентных масштабах вмешивается в функционирование финансовых рынков, и можно с уверенностью сказать, что новые меры по контролю над экономикой не ограничатся Уолл-стрит.

Регулирование производства и торговли – одна из двух основных функций государства в нашей смешанной экономике. Вторая связана с перераспределением – передачей доходов и богатства из одних рук в другие. В этой сфере противники капитализма также воспользовались моментом, чтобы потребовать новых льгот, например гарантированной медицинской помощи, а также усиления налогового бремени для богатых людей. Экономический кризис и избрание президентом Барака Обамы выявили наличие в обществе сильного «подспудного спроса» на перераспределение. Чем это вызвано? Чтобы дать развернутый ответ на этот вопрос, необходимо вспомнить о генезисе капитализма и тщательнее проанализировать аргументы в пользу перераспределения.

Капиталистическая система сформировалась в 1750–1850-х годах в результате трех революций. Первая из них носила политический характер: речь идет о триумфе либерализма, и в частности доктрины о естественных правах, а также тезиса о том, что функции государства должны ограничиваться защитой прав личности, в том числе права собственности. Вторая революция произошла в экономической теории – ее символом стал труд Адама Смита «Богатство народов». Смит показал: когда людям предоставляют свободу в реализации их экономических интересов, результатом становится не хаос, а спонтанный порядок – рыночная система, в рамках которой действия индивидов координируются лучше, а богатства создается больше, чем при государственном управлении экономикой. Третьей революцией, конечно, был Промышленный переворот. Технические инновации стали инструментом гигантского расширения возможностей человека в сфере производства. Результатом стало не только всеобщее повышение уровня жизни, но и появление у энергичных и

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* предприимчивых людей шансов сколотить состояние, немислимое в прежние времена.

Политическая революция – торжество доктрины прав человека – сопровождалась утверждением нравственных идеалов: освобождением от отрицания и признанием самоценности каждой личности, независимо от положения в обществе. В то же время нравственная оценка экономической революции отличалась неоднозначностью: многие считали капитализм греховным явлением. Стремление к обогащению стало жертвой постулатов христианства, направленных против эгоизма и корыстолюбия. Авторы концепции спонтанного порядка понимали, что она содержит в себе нравственный парадокс – греховность отдельных людей может обернуться благом для общества.

Критики рынка всегда использовали в своих целях эти сомнения в его нравственности. Социалистическое движение поддерживалось тезисами о том, что капитализм порождает эгоизм, эксплуатацию, отчуждение и несправедливость. Более мягким проявлением этого же подхода стала концепция «государства всеобщего благосостояния» – перераспределения доходов руками властей во имя «социальной справедливости». Капитализму так и не удалось преодолеть эту изначальную нравственную неоднозначность. Его ценят за экономическое процветание, которое он приносит, и за создание необходимых предпосылок для политической и интеллектуальной свободы. Но большинство его защитников не готовы признать, что «капиталистический» образ жизни – реализация личных интересов за счет производства и торговли – заслуживает уважения и в нравственном плане (не говоря уж о том, чтобы назвать его благородным и тем более идеальным).

В причинах нравственной антипатии по отношению к рынку ничего загадочного нет. Она связана с этикой альтруизма, глубоко укорененной в западной культуре, да и в большинстве других. По меркам альтруизма, реализация личных интересов в лучшем случае никак не связана с нравственностью и заслуживает нейтрального отношения, а в худшем – расценивается как грех. Конечно, успех на рынке достигается за счет добровольного обмена, а значит, удовлетворения потребностей других людей. Но верно и то, что людьми, добивающимися такого успеха, движут соображения личной выгоды, а в этике мотивы имеют не менее важное значение, чем результат.

В просторечии понятие «альтруизм» часто обозначает просто доброту или благожелательность. Но его реальное значение в историческом и философском смысле – это самопожертвование. Для социалистов, которые и создали этот термин, он обозначал полное подчинение отдельной личности общественному целому. Как отмечает Айн Рэнд, «главный принцип альтруизма состоит в том, что человек не вправе жить ради себя, что единственное оправдание его существования – это служение другим, а самопожертвование является высочайшим моральным долгом, добродетелью и ценностью». Альтруизм в этом строгом понимании стал основой для различных концепций «социальной справедливости», используемых для обоснования перераспределения богатства руками государства. Эти государственные социальные программы предусматривают принудительные жертвы со стороны людей, которых облагают налогами для их финансирования. Они означают использование индивида как «ресурса» для коллектива, как средства для достижения целей других людей. И в этом заключается основополагающая причина, по которой каждый сторонник капитализма должен осуждать их с нравственных позиций.

Концепции социальной справедливости

Концепции социальной справедливости можно подразделить на две категории, связанные, соответственно, с всеобщим благосостоянием и эгалитаризмом. Согласно концепции всеобщего благосостояния (социальной поддержки) все люди имеют право на самое необходимое, в том числе некий минимум питания, жилья, одежды, медицинской помощи, образования и т. д. Обязанность общества состоит в том, чтобы гарантировать всем своим членам этот необходимый минимум. Однако капиталистическая система, построенная по принципу *laissez-faire*, таких гарантий не обеспечивает. Таким образом, утверждают сторонники социального обеспечения, капитализм не позволяет обществу выполнять это нравственное обязательство, и государство должно его модифицировать с тем, чтобы те люди, которые не могут обеспечить себе соответствующие блага собственными усилиями, все же их получали.

По мнению эгалитаристов, создаваемое в обществе богатство должно распределяться поровну. Если некоторые люди зарабатывают в 15, 50 или 100 раз больше других, это не отвечает критериям справедливости. И поскольку капиталистическая система, построенная по принципу *laissez faire*, не только допускает, но и способствует подобному диспаритету доходов, она несправедлива. Отличительной чертой эгалитаризма являются различные статистические выкладки относительно распределения доходов. Скажем, в 2007 году 50 % совокупного дохода в США досталось самым богатым 20 % населения, а на долю самых бедных 20 % пришлось лишь 3,4 %. Цель эгалитаризма –

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* сократить этот разрыв: любое продвижение к равенству рассматривается как триумф справедливости.

Различие между этими двумя концепциями социальной справедливости – это различие между абсолютным и сравнительным уровнем благосостояния. Сторонники социальной поддержки требуют, чтобы всем был обеспечен некий минимальный уровень жизни. Если существует эта «низшая планка» или социальная «страховочная сетка», уже не важно, каково имущественное положение членов общества или каков разрыв между богатыми и бедными. Поэтому адепты социального обеспечения требуют прежде всего осуществления программ помощи людям, живущим ниже определенного уровня бедности, больным, безработным и другим обездоленным. Эгалитаристов же волнует сравнительное благосостояние. Они часто утверждают, что предпочитают общество, где богатство распределяется более равномерно, даже если общий уровень жизни в нем ниже. В результате эгалитаристы выступают, в частности, за прогрессивное налогообложение, призванное обеспечить перераспределение богатства по всей шкале доходов, а не только в пользу самых бедных граждан. Они также поддерживают национализацию таких общественных благ, как образование и здравоохранение, их полное отделение от рынка и предоставление всем членам общества на равной основе.

Рассмотрим эти две концепции социальной справедливости по очереди.

Соцобеспечение: обязанность по принуждению

В основе концепции социальной поддержки лежит тезис о том, что все люди имеют право на такие блага, как еда, крыша над головой и медицинская помощь. Они должны все это иметь в обязательном порядке. Соответственно, каждый, кому эти блага достаются от государства, получает лишь то, что ему причитается, – словно это покупатель, оплативший товар. Предоставляя социальные льготы, государство попросту защищает права граждан – подобно тому, как оно защищает права покупателей. Ни в том, ни в другом случае благодарить его незачем.

Концепция прав на социальное обеспечение, или «положительных прав», как их часто называют, скопирована с традиционного либерального постулата о неотъемлемом праве на жизнь, свободу и собственность. Однако различие между этими концепциями хорошо известно. Традиционные права – это права на действия без постороннего вмешательства. Право на жизнь – это право действовать во имя самосохранения, но не иммунитет от смерти по естественным причинам, даже безвременной. Право на собственность – это право на свободную куплю-продажу и использование не принадлежащих никому благ, предоставляемых природой. Это право стремиться к приобретению имущества, но не на получение имущества от природы или государства: успех в приобретении собственности никому не гарантирован.

Соответственно, эти права требуют от других людей лишь «отрицательных» обязанностей – не вмешиваться, не ограничивать силой возможности индивида делать то, что он считает нужным. Представим себе, что я живу вне общества, скажем на необитаемом острове: в этом случае мои права абсолютно гарантированы. Возможно, моя жизнь не будет долгой и уж точно не будет комфортной – но я буду полностью защищен от убийства, грабежа или физического насилия.

Права на социальное обеспечение, напротив, представляют собой права пользования определенными благами независимо от действий индивида: если вы не можете заработать эти блага, вы имеете право на получение их от других. Соответственно, они возлагают на других «положительные» обязанности. Если я имею право на продукты питания, кто-то обязан их вырастить. Если я не могу заплатить за них, кто-то обязан приобрести их для меня. Сторонники социальной поддержки порой утверждают, что эти обязанности ложатся на общество в целом, а не на конкретных индивидов. Но общество не существует отдельно от его членов, и уж тем более не несет моральных обязательств отдельно от них, поэтому все подобные обязательства ложатся на нас. К примеру, если права на соцобеспечение обеспечиваются государством, соответствующие обязанности распространяются на всех налогоплательщиков. Таким образом, с этической точки зрения суть концепции всеобщего соцобеспечения состоит в том, что потребности одного становятся обязанностями для других. Эти обязанности могут распространяться только на жителей одного городка или всей страны. Они не касаются всего человечества. Но во всех вариантах этой доктрины ваши обязанности не зависят от отличного знакомства с тем, кому вы помогаете, или вашего желания ему помочь, или вашей убежденности в том, что он заслуживает помощи. Это обязанность не по вашему выбору, а по факту существования у него определенных потребностей. Этим, однако, наш анализ не исчерпывается. Если я живу на необитаемом острове, у меня, естественно, нет прав на социальную поддержку, поскольку никому предоставить мне соответствующие блага. По той же причине, если я живу в первобытном обществе, не имеющем понятия о медицине, у меня нет

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* права на здравоохранение. Содержание прав на социальное обеспечение связано с уровнем экономического благосостояния и производственных возможностей общества. Соответственно, обязанность людей удовлетворять потребности других зависит от их способности это делать. Меня как индивида нельзя винить в том, что я не обеспечил других тем, что я не могу произвести для себя.

Но если я могу это произвести, но просто не хочу? Допустим, я в состоянии зарабатывать гораздо больше, чем зарабатываю, и налоги с этих доходов могли бы прокормить голодающего. Обязан ли я работать больше, зарабатывая деньги для этого человека? Не знаю ни одного философа из числа сторонников концепции всеобщего благосостояния, который ответил бы на этот вопрос утвердительно. Моя нравственная обязанность, обусловленная потребностями другого, зависит не только от моей способности, но и от желания производить необходимые ему блага.

Это позволяет сделать важные выводы об этической направленности концепции социального обеспечения. Она не предусматривает обязанности удовлетворять потребности людей и уж тем более добиваться в этом успеха. Обязанность носит обусловленный характер: те, кто умеет создавать богатство, могут заниматься этим лишь в том случае, если другим будет позволено получить его долю. Цель здесь – не столько помочь нуждающимся, сколько связать по рукам и ногам способных людей. Косвенно речь идет о том, что способности и инициативность человека представляют собой общественное достояние, и он может их реализовать лишь при том условии, что они направлены на службу другим.

Эгалитаризм: «справедливое» распределение

Обратившись к эгалитаризму, мы обнаруживаем, что приходим к тому же принципу – только иным логическим путем. Этической основой эгалитаризма служит не концепция прав, а идея справедливости. Глядя на общество в целом, мы видим, что доходы, богатство и власть определенным образом распределяются среди индивидов и групп. И главный вопрос звучит так: справедлива ли существующая система распределения? Если нет, ситуацию следует исправить реализацией государственных перераспределительных программ. «Чистая» рыночная экономика, естественно, не обеспечивает равенства индивидов. Но большинство эгалитаристов и не утверждает, что справедливость требует строгого равенства результатов. Наиболее распространённый подход заключается в презумпции в пользу такого равенства: любой отход от этого принципа должен быть оправдан пользой для общества в целом. Так, британский публицист Р.Х. Тоуни отмечал: «Неравенство условий имеет право на существование, если оно является необходимой предпосылкой обеспечения услуг, необходимых сообществу». А знаменитый «принцип дифференциации» Джона Ролза, согласно которому неравенство допустимо, если оно служит интересам самых незащищенных членов общества, – лишь последний по времени вариант подобного подхода. Иными словами, эгалитаристы понимают, что жесткая «уравниловка» чревата катастрофическими последствиями для производства. Они признают, что не все члены общества вносят одинаковый вклад в его благосостояние. Таким образом, людей в определенной мере надо вознаграждать по их способностям в плане производства, чтобы стимулировать к труду с максимальной отдачей. Но любые различия такого рода допустимы только в том случае, если они необходимы для общего блага.

В чем заключается философская основа этого постулата? Многие эгалитаристы утверждают, что он логически вытекает из главного принципа справедливости: к людям можно относиться по-разному, только если между ними существуют различия морального порядка. Однако, применяя этот основополагающий принцип к системе распределения доходов, мы для начала должны принять как данность, что общество в буквальном смысле занимается таким распределением. Но это абсолютно ложное допущение. В условиях рыночной экономики результаты определяются решениями миллионов индивидов – потребителей, инвесторов, предпринимателей и работников. Эти решения координируются законами спроса и предложения, и не случайно, скажем, успешный предприниматель зарабатывает намного больше, чем поденщик. Это, однако, не является результатом каких-либо осознанных стремлений общества. В 2007 году самой высокооплачиваемой телеведущей в США была Опра Уинфри: она зарабатывала около 260 миллионов долларов в год. Но такую зарплату «присудило» ей не «общество», а миллионы поклонников, которые смотрят ее шоу. Даже в социалистическом хозяйстве, как мы теперь знаем, экономические результаты неподконтрольны плановым органам государства. Даже в нем существует спонтанный порядок, пусть и коррупционный: результаты определяются бюрократическими «междоусобицами», функционированием черного рынка и т. д. Несмотря на отсутствие распределения в буквальном смысле, эгалитаристы часто утверждают, что общество должно гарантировать соответствие статистического распределения доходов определенным стандартам

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* справедливости. Почему? Потому что производство материальных благ – это общественный процесс, основанный на сотрудничестве. Общество, где существует торговля и разделение труда, создает больше богатства, чем общество, основанное на натуральном хозяйстве. Разделение труда означает, что в производстве конечного продукта участвует много людей, а торговля – что за богатство, созданное производителями, отвечает еще более широкий круг лиц. Эгалитаристы утверждают: эти отношения настолько меняют характер производства, что реальной производственной единицей и источником богатства должна быть признана вся указанная группа участников. По крайней мере именно она обеспечивает ту разницу в благосостоянии, что существует между обществом, основанном на сотрудничестве, и обществом, где такого сотрудничества нет. Поэтому именно общество должно гарантировать справедливое распределение плодов этого сотрудничества между всеми участниками.

Однако этот аргумент логичен лишь в том случае, если рассматривать богатство как анонимный общественный продукт, то есть если выделить вклад отдельных участников в его производство невозможно. Только в этом случае необходимо постфактум разрабатывать принципы, обеспечивающие справедливое распределение его долей. Но это допущение опять же ошибочно. Так называемый общественный продукт на деле представляет собой гигантский спектр отдельных товаров и услуг. И мы несомненно в состоянии определить тот товар или услугу, к производству которых был причастен каждый индивид. Когда же продукт произведен группой людей – например, в рамках фирмы, – тоже известно, кто из них что делал. В конце концов, предприниматель не нанимает работников по собственному капризу. Работника нанимают в соответствии с ожидаемой разницей в конечном продукте, которую должен принести его трудовой вклад. Это признают и сами эгалитаристы, допуская неравенство в качестве стимула для усилий наиболее продуктивных работников по приумножению совокупного богатства общества. При этом, как отмечал Роберт Нозик, чтобы стимулировать именно тех, кого надо, даже эгалитарист должен признать, что нам по силам определить роль отдельных участников в производстве. Одним словом, основы для применения принципа справедливости к статистическому распределению доходов и богатства в масштабе всей экономики не существует. Нельзя рассматривать ее как огромный пирог, который добрый отец разрезает так, чтобы всем детям за столом достались одинаковые куски. Но когда мы откажемся от такого подхода, что произойдет с принципом, о котором говорят Тоуни, Ролз и другие, – принципом, согласно которому неравенство допустимо лишь в том случае, если оно служит интересам всех членов общества? Если его нельзя обосновать с точки зрения справедливости, этот принцип следует рассматривать в контексте наших обязанностей друг перед другом в качестве индивидов. Но тогда речь идет о том же принципе, что мы выделили, анализируя концепцию социальной поддержки. Он заключается в том, что люди могут пользоваться плодами своего продуктивного труда только при условии, что он приносит выгоду и другим. Никакой обязанности что-либо производить, создавать, зарабатывать у вас нет. Но если вы это делаете, потребности других становятся барьером, ограничивающим ваши усилия. Ваши способности, инициативность, ум, целеустремленность и другие качества, определяющие успех, являясь вашим личным достоянием, которое накладывает на вас обязанности перед менее способными, инициативными, умными и целеустремленными людьми.

Иными словами, все концепции социальной справедливости основаны на тезисе о том, что личные качества являются общественным «активом». Речь идет не только о том, что человек не вправе использовать свои таланты для поправки прав менее способных членов общества, и не только о том, что доброта и щедрость – это несомненные достоинства. Согласно этому тезису индивид должен воспринимать себя, хотя бы отчасти, как средство для достижения благополучия других. И здесь мы подходим к сути дела. Уважая права других людей, я признаю их самоценными личностями и не должен относиться к ним как к средствам удовлетворения моих потребностей, каковыми являются лишь неодушевленные предметы. Какие же нравственные соображения запрещают мне и себя воспринимать как самоценную личность? Почему из уважения к собственному достоинству в качестве морального субъекта я не должен отказываться рассматривать себя как средство, поставленное на службу другим?

К индивидуалистской этике

Доводы Айн Рэнд в защиту капитализма основываются на индивидуалистской этике, признающей за индивидом моральное право действовать в собственных интересах и полностью отвергать альтруизм.

Альтруисты утверждают, что жизнь ставит нас перед основополагающим выбором: либо жертвовать интересами других ради себя, либо жертвовать своими интересами ради других. Второй вариант представляет собой альтруистический

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* образ жизни, и единственная альтернатива ему, следуя этой логике, – хищничество. Однако Рэнд считает эту альтернативу ложной. Жизнь не требует от нас жертвовать ни тем, ни другим. Интересы рационально мыслящих людей не вступают в противоречие друг с другом, и осуществление наших подлинных личных интересов предусматривает взаимодействие с другими путем мирного добровольного обмена.

Чтобы понять причины этого, зададимся вопросом: как мы определяем свои личные интересы? Интерес – это ценность, которую мы стремимся обрести: богатство, удовольствие, безопасность, любовь, самоуважение или иное благо. Этическая философия Рэнд основана на выводе о том, что основополагающей ценностью – *summa bonum* – является сама жизнь. Именно существование живых организмов, необходимость поддерживать его постоянными действиями для удовлетворения собственных потребностей порождает сам феномен ценности. Безжизненный мир был бы миром фактов, но не ценностей, миром, в котором ни одно состояние не может быть лучше или хуже другого. Таким образом, основополагающий критерий ценности, в соответствии с которым человек должен решать, что отвечает его интересам, – это его жизнь: не простое выживание, но полное удовлетворение своих потребностей за счет постоянного использования своих способностей.

Главная способность человека, главное средство его выживания – это разум. Именно разум позволяет нам жить за счет производства и тем самым подняться над рискованным существованием за счет охоты и собирательства. Разум – основа языка, с помощью которого мы сотрудничаем и передаем друг другу знания. Разум – основа общественных институтов, действующих в соответствии с абстрактными нормами. Цель этики – дать стандарты существования в соответствии с разумом, служащие нашей жизни.

Чтобы жить по разуму, мы должны признать независимость добродетелью. Разум – индивидуальное свойство. Сколько бы человек ни узнавал от других, мыслительный процесс происходит только в его уме. Каждый из нас иницирует его по собственному выбору и направляет собственными умственными усилиями. Таким образом, рационализм требует, чтобы мы брали на себя ответственность за поддержание собственной жизни и распоряжение ею.

Кроме того, чтобы жить по разуму, мы должны признать добродетелью продуктивность. Производство – это процесс создания ценности. Люди не могут жить безопасной и полной жизнью, находя все необходимое в природе, подобно другим животным. Они также не могут жить, паразитируя за счет других. «Хотя кто-то пытается существовать за счет грубой силы или мошенничества, – подчеркивает Рэнд, – за счет грабежа, обмана и порабощения производителей, существование таких людей все равно возможно только благодаря их жертвам, благодаря тем, кто мыслит и производит блага, которые присваивают себе эти грабители. Такие грабители – паразиты, неспособные выжить самостоятельно, они существуют только за счет уничтожения тех, кто способен выжить, кто действует так, как подобает действовать человеку».

Эгоиста, как правило, изображают как человека, готового пойти на все, чтобы получить желаемое, – готового лгать, красть и подчинять себе других для удовлетворения своих желаний. Рэнд, как и большинство людей, считает такой способ действий аморальным. Но не потому, что эти поступки вредят другим, а потому, что они вредят самой личности человека, который их совершает.

Субъективное желание – не мерило наших интересов, а обман, воровство и насилие – не средства добиться счастья и успеха. Добродетели, о которых я упомянул выше, – это объективные критерии. Они укоренены в природе человека, а потому относятся ко всем людям. Но их цель – дать возможность каждому «обретать, поддерживать, реализовывать и наслаждаться высшей ценностью, самоцелью – собственной жизнью». Таким образом, задача этики – дать нам представление о том, как реализовать наши подлинные интересы, а не жертвовать ими.

Принцип торговца

Как же тогда мы должны поступать по отношению к другим? Социальная этика Рэнд основывается на двух основных принципах: принципе прав и принципе справедливости. Принцип прав гласит: с другими мы должны взаимодействовать мирно, путем добровольного обмена, не применяя против них силу. Только так мы можем жить независимо, за счет собственного продуктивного труда, а человек, стремящийся контролировать других – не более чем паразит. Более того, в рамках организованного общества мы должны уважать права других, если хотим, чтобы наши собственные права тоже уважали. Только так мы можем получить многочисленные выгоды от социального взаимодействия: пользу от экономического и интеллектуального обмена и ценности, которые несут в себе близкие личные отношения. Источник этих благ – разум, продуктивность, индивидуальность другого человека. Чтобы все это могло процветать, необходима свобода. Если я живу за счет силы, я подрываю корни тех самых ценностей, которые стремлюсь обрести.

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера file

Принцип справедливости, или «принцип торговца», как его называет Рэнд, требует жить за счет обмена, предлагать ценность за ценность, не пытаться приобрести незаработанное и не предоставлять такую возможность другим. Достойный человек не превращает свои потребности в обязанности для других: в качестве основы для любых взаимоотношений он предлагает что-то ценное. В то же время он не будет по принуждению брать на себя обязанность удовлетворить потребности других. Ни один человек, ценящий собственную жизнь, не может принять на себя неконкретное обязательство быть «сторожем брату своему». А самостоятельная личность никогда не пожелает от кого-то зависеть – будь то хозяин или министерство здравоохранения и услуг для населения. Принцип торговца, отмечает Рэнд, – единственная основа взаимодействия людей в качестве независимых и равных партнеров. Одним словом объективистская этика рассматривает индивида как самоценную личность в самом полном понимании этого слова. Из этого следует, что капитализм – единственная справедливая и нравственная система. Капиталистическое общество основано на признании и защите прав личности. В капиталистическом обществе люди могут свободно осуществлять свои цели по собственному разумению. Как и в любом другом обществе, при капитализме человека ограничивают законы природы. Продовольствие, жилье, одежда, книги и лекарства не растут на деревьях: их необходимо производить. Кроме того, как и в любом обществе, при капитализме человека ограничивает небеспредельность собственной природы, собственных индивидуальных способностей. Но единственное социальное ограничение, накладываемое капитализмом, заключается в следующем: каждый, кто хочет получить от других какие-либо услуги, должен предложить взамен нечто ценное. Никто не вправе использовать государственные механизмы для экспроприации того, что произвели другие.

Экономические результаты функционирования рынка – распределение доходов и богатства – зависят от добровольных поступков и взаимодействия всех участников. Принцип справедливости относится не к результатам, а к процессу экономической деятельности. Полученный человеком доход причитается ему по справедливости, если он заработан благодаря добровольному обмену, в качестве вознаграждения за предложенную им ценность, размер которого определяют те, кому она предлагается. Экономисты давно уже установили, что «справедливой» цены на товар не существует в природе: таковой можно считать лишь мнение рыночных игроков о стоимости предлагаемого им товара. То же самое относится и к ценам на оказываемые людям услуги. Сказанное не означает, что ценность своей личности я должен определять размером своего дохода: речь идет лишь о том, что, если я желаю жить за счет обмена с другими, я не могу требовать, чтобы они принимали мои условия, жертвуя собственными интересами.

Человеколюбие как ценность, которую мы выбираем
Но как быть с теми, кто беден, нетрудоспособен или по иной причине не может обеспечивать себя? Это отнюдь не праздный вопрос – просто он не должен быть первым вопросом, которым мы задаемся, анализируя ту или иную общественную систему. Представление о том, что главный критерий оценки общества – это его отношение к наименее продуктивным своим членами, является не чем иным, как наследием альтруизма. Христос говорил: «Блаженны нищие духом, блаженны кроткие». Но принцип справедливости не дает никаких оснований, чтобы относиться к нищим и кротким с особым пиететом и придавать их потребностям первостепенное значение. Если бы нам пришлось выбирать между коллективистским обществом, где все не свободны, но никто и не голодает, и индивидуалистским обществом, где все свободны, но некоторые голодают, я бы сказал, что с нравственной точки зрения предпочтение следует отдать второму, свободному обществу. Никто не вправе требовать, чтобы другие служили ему не по собственной воле, даже если от этого зависит его жизнь. Однако такой выбор перед нами не стоит. На самом деле при капитализме даже беднякам живется лучше, чем при социализме или в «социальном» государстве. Опыт истории учит: в обществах, где нет свободы, как, например, в советском обществе, многие к тому же и голодают.

Те, кто способен трудиться, заинтересованы в экономическом росте и техническом развитии, которые отличаются наибольшим динамизмом в условиях рынка. Капиталовложения и механизация позволяют задействовать труд людей, которые в ином случае не могли бы производить достаточно, чтобы себя обеспечить. К примеру, с появлением компьютеров и современных средств связи инвалиды получили возможность работать на дому.

Что же касается тех, кто просто не в состоянии работать, то в свободном обществе всегда существует множество форм частной помощи и филантропии за пределами рынка, представленных разнообразными благотворительными обществами и организациями. Необходимо сразу пояснить: между эгоизмом и благотворительностью нет никакого противоречия. Учитывая, какую выгоду

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* приносят нам контакты с другими, вполне естественным представляется благожелательное отношение к своим близким, сочувствие их бедам и оказание им помощи – если для этого не требуется жертвовать собственными интересами. Однако между эгоистическим и альтруистическим взглядами на общество существуют важные различия.

Для альтруиста человеколюбие – первостепенный этический принцип, и реализовывать его следует вплоть до самопожертвования, по принципу «отдай последнюю рубашку». Отдавать – ваш нравственный долг, независимо от любых других ценностей, что вы исповедуете, и от того, имеет ли право на вашу помощь тот, кому вы ее оказываете. Для эгоиста человеколюбие – один из многих способов реализации наших ценностей, включая ту ценность, которую имеет в наших глазах благополучие других людей. Делать это следует в контексте других ценностей, которые исповедует человек, по принципу «отдавать, когда это кому-то действительно поможет». Это не долг, и тот, кто получает помощь, не имеет на нее прав. Альтруист рассматривает человеколюбие как искупление вины, предполагая, что в таланте, успехе, продуктивности и богатстве есть нечто греховное или подозрительное. Эгоист рассматривает перечисленные характеристики как достоинства и считает щедрость по отношению к другим проявлением гордости за то, что мы ими обладаем.

Четвертая революция

В начале статьи я отметил, что капиталистический строй стал результатом трех революций, каждая из которых представляла собой радикальный разрыв с прошлым. Политическая революция утвердила приоритет прав личности и принцип, согласно которому государству должно быть слугой человека, а не его хозяином. Экономическая революция принесла с собой понимание роли рынка. Промышленная революция резко расширила возможности применения плодов нашего интеллекта в производственных целях. Но порвать с прошлым в этическом плане человечество так и не сумело. Принцип, согласно которому способности индивидов являются общественным достоянием, несовместим со свободой. Чтобы свободное общество сохранилось и процветало, необходима четвертая революция, которая утвердила бы моральное право человека жить ради себя.

Часть 3 Производство и распределение богатства

Рыночная экономика и распределение богатства

Людвиг Лахманн

Кто сегодня усомнится в правоте профессора Мизеса, еще 30 лет назад указавшего, что любое вмешательство политической власти в экономику влечет за собой и дальнейшее вмешательство, необходимое для предотвращения неизбежных негативных последствий этого первого шага? Кто станет отрицать, что для функционирования командной экономики необходима инфляционная обстановка, и кто сегодня не знает, какими пагубными результатами оборачивается «контролируемая инфляция»? Хотя некоторые экономисты пустили в оборот панегирический термин «обычная инфляция», обозначающий постоянную инфляцию, с которой мы все так хорошо знакомы, это вряд ли сможет кого-то обмануть. И без недавнего примера с возрождением Германии было понятно, что рыночная экономика даже в самых неблагоприятных условиях способна создать порядок из «контролируемого административными методами» хаоса. Форма организации экономики, основанная на добровольном сотрудничестве и всеобщем обмене знаниями, по определению превосходит любую иерархическую систему, даже если в рамках последней возможна рациональная проверка квалификации тех, кто отдает приказы. Люди, способные внимать голосу разума и опыта, осознавали этот факт и раньше, а те, кому это не по силам, вряд ли поймут и теперь.

Столкнувшись с этой ситуацией, оппоненты рыночной экономики изменили свою позицию: теперь они выступают против нее, исходя не из экономических, а из социальных соображений, обвиняют рынок не в неэффективности, а в несправедливости. Сегодня эти критики рассуждают об «искажающих эффектах» владения богатством и утверждают, что «плебисцит рынка подтасовывается многократным голосованием». Они пытаются показать, что распределение богатства воздействует на производство и структуру доходов, поскольку обладатели богатства не просто получают «несправедливо большую» долю общественного дохода, но и влияют на ассортимент продукции: производится слишком много предметов роскоши и слишком мало предметов первой необходимости. Более того, поскольку большая часть сбережений приходится на долю тех же владельцев, они определяют и темпы накопления капитала, а значит, и экономического прогресса.

Некоторые из этих оппонентов не отрицают полностью того факта, что распределение богатства в какой-то степени является накопительным

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* результатом действия экономических сил, но утверждают: это накопление происходит таким образом, что настоящее становится «рабом» прошлого – анахронистического и произвольного фактора. Сегодняшнее распределение доходов определяется сегодняшним распределением богатства, и даже несмотря на то что сегодняшнее богатство частично накоплено вчера, оно было накоплено в результате процессов, отражающих влияние позавчерашнего характера распределения богатства. В основном эта аргументация противников рыночной экономики основана на институте «наследования», которому, как они нам внушают, обязаны своим богатством большинство нынешних владельцев. Этот аргумент сегодня, судя по всему, пользуется большой популярностью – даже у многих искренних сторонников экономической свободы. Эти люди поверили в то, что «перераспределение богатства», в частности в форме налога на наследство, привело бы к общественно полезным экономическим результатам при отсутствии негативных последствий. Более того, поскольку подобные меры помогут освободить настоящее от «мертвой руки» прошлого, они будут способствовать корректировке нынешних доходов в соответствии с нынешними потребностями. Распределение богатства – это параметр рынка, и изменив параметр, мы можем изменить результат, не вмешиваясь в действие рыночного механизма! Из этого следует, что рыночный процесс дает «социально приемлемые» результаты только в том случае, если он сопровождается постоянными политическими мерами, направленными на перераспределение существующего богатства.

Этой точки зрения, как мы уже отмечали, сегодня придерживаются многие, включая и некоторых экономистов, осознающих превосходство рыночного хозяйства над командной системой и негативную роль государственного вмешательства, но недовольных социальными последствиями, которыми, по их мнению, оборачивается функционирование рыночной экономики. Они готовы принять рыночную экономику только в сочетании с подобной перераспределительной политикой.

Настоящая статья посвящена критике основ подобной точки зрения.

Во-первых, в логическом плане вся эта аргументация построена на словесной путанице, связанной с расплывчатостью понятия «параметр». В просторечии, а также в большинстве научных дисциплин, например в статистике, слово «параметр» означает нечто «заданное» для нас, наблюдающих за происходящим в какой-либо конкретный момент времени. В этом смысле само собой разумеется, что в любой конкретный момент времени та или иная модель распределения богатства представляет собой параметр – по той простейшей причине, что она существует, а другие нет. Но в рамках теории равновесия, которая, хорошо это или плохо, играет столь важную роль в современной экономической мысли и очень во многом определяет ее содержание, слово «параметр» приобрело еще одно, совершенно иное значение: как необходимое условие равновесия, независимая переменная. «Параметры» во множественном числе означают совокупность необходимых и достаточных условий, на основе которых, когда все они становятся нам известны, мы без дополнительных усилий можем определить равновесную цену и количество товаров и услуг. Таким образом, в этом втором смысле распределение богатства вместе с другими параметрами становится детерминантой (хотя и не единственной) цен и количества различных услуг и товаров, являющихся предметом купли-продажи.

Однако главная цель настоящей статьи – доказать, что в этом втором смысле распределение богатства не является «параметром». Оно не только не представляет собой «независимую переменную» рыночного процесса, но, напротив, постоянно меняется под воздействием рыночных сил. Не стоит и говорить, что это наблюдение никоим образом не опровергает тот факт, что характер распределения богатства числится среди факторов, определяющих путь рыночного процесса на ближайшую перспективу, однако постоянного влияния он как таковой не имеет. Хотя богатство всегда распределяется каким-то конкретным способом, модель этого распределения все время меняется. Только если бы модель распределения оставалась постоянной при передаче отдельных объектов богатства по наследству в течение нескольких сменяющих друг друга периодов, можно было бы говорить, что эта константная модель представляет собой постоянно действующий экономический фактор. Но в реальности этого не происходит. Распределение богатства определяется рыночными силами, будучи объектом, а не субъектом, и каков бы ни был его характер сегодня, завтра он уже уйдет в прошлое, утратит актуальность. Таким образом, для распределения богатства нет места среди параметров равновесия. Однако наибольший интерес с социально-экономической точки зрения представляет не модель распределения богатства в какой-то конкретный момент, а характер ее изменений во временной перспективе. Подлинное место этих изменений, как мы увидим, – среди событий, происходящих на том проблематичном «пути», что может привести, но в реальности редко приводит, к равновесию. Это типичный «динамичный» феномен. Парадоксально, но факт:

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* сегодня, когда столько говорится о необходимости более активного и углубленного исследования динамических процессов, это явление вызывает очень мало интереса.

Владение – правовое понятие, относящееся к конкретным материальным объектам. Богатство же – экономическое понятие, относящееся к дефицитным ресурсам. Все ценные ресурсы являются материальными объектами, или их отражением, или их воплощением, но не все материальные объекты представляют собой ресурсы: очевидные примеры этого – заброшенные дома, кучи мусора и любые объекты, от которых владельцы с радостью бы избавились, если бы нашелся кто-то, готовый их снести или убрать. Более того, объект, сегодня являющийся ресурсом, завтра может им уже не являться, а объект, сегодня не имеющий никакой ценности, завтра может ее обрести. Таким образом, статус ресурса для материального объекта всегда проблематичен и в определенной степени зависит от предвидения. Объект можно назвать «богатством» только в том случае, если он является источником дохода. И ценность объекта для его нынешнего или потенциального владельца в любой момент времени отражает ожидания в плане его доходности. Это же, в свою очередь, зависит от возможностей использования объекта. Таким образом, простое владение объектами не всегда эквивалентно богатству: последнее проистекает из успешного использования объектов. Источником дохода и богатства служит не владение, а использование ресурсов. К примеру, фабрика по производству мороженого в Нью-Йорке может принести владельцу богатство, но такую же фабрику в Гренландии вряд ли можно даже назвать ресурсом.

В мире, где происходит столько неожиданных изменений, сохранить богатство всегда нелегко, а в долгосрочной перспективе, пожалуй, и невозможно. Чтобы поддерживать определенный объем богатства для передачи по наследству от одного поколения другому, семья должна владеть такими ресурсами, которые приносят постоянный чистый доход, то есть дают превышение стоимости продукции над затратами на факторы производства, дополняющими соответствующий ресурс. Представляется, что это возможно либо в статичном мире, где сегодняшний день нисколько не отличается от вчерашнего, а завтрашний от сегодняшнего, и потому день за днем, год за годом одни и те же собственники или их наследники получают один и тот же объем дохода, либо в ситуации, когда все владельцы ресурсов обладают даром абсолютно точного предвидения. Поскольку оба варианта не имеют отношения к реальности, их можно смело оставить за скобками. Что же тогда на самом деле происходит с богатством в постоянно меняющемся мире?

Все богатство состоит из капитальных активов, в той или иной форме воплощающих, или по крайней мере косвенно отражающих, материальные ресурсы производства – источники создания ценной продукции. Продукция же производится трудом людей при помощи таких ресурсов. В этих целях ресурсы необходимо задействовать в определенных сочетаниях: взаимодополняемость – суть использования ресурсов. Формы этой взаимодополняемости отнюдь не «заданы» предпринимателям, разрабатывающим и реализующим производственные планы. Такой вещи, как производственная функция, в реальности не существует. Напротив, задача предпринимателя состоит именно в том, чтобы в условиях постоянных изменений угадать, какое сочетание ресурсов в сегодняшней обстановке даст максимальное превышение стоимости продукции над стоимостью факторов производства, и спрогнозировать, каким это сочетание должно быть в вероятной завтрашней ситуации, когда стоимость продукции, затраты на дополнительные факторы производства и технологии изменятся. Если бы все капитальные ресурсы обладали неограниченной универсальностью, предпринимателям достаточно было бы следовать за изменениями внешних условий, перенацеливая ресурсы на те способы использования, которые в результате этих изменений становятся прибыльными. На деле, однако, универсальность ресурсов, как правило, ограничена; для каждого из них существует лишь определенный набор способов использования [41]. Поэтому необходимость приспособливаться к изменениям зачастую влечет за собой необходимость корректировки состава группы ресурсов («перегруппировки ресурсов»). Однако любое изменение в характере взаимодополняемости влияет на стоимость входящих в группу ресурсов, порождая прирост капитала или убытки. Предприниматели будут делать высокие ставки на те ресурсы, для которых они нашли более прибыльные способы использования, и низкие – на те, что приходится использовать с меньшей выгодой. В условиях, когда вступают в силу ограничения, то есть для ресурса, входившего в прибыльное сочетание, уже нельзя выявить способ использования (в настоящем или будущем), последний полностью утрачивает характер ресурса. Но даже если не брать подобные крайности, постоянная изменчивость мира, в котором мы живем, неизбежно влечет за собой прирост или убавление капитала, воплощенного в активах длительного пользования.

Таким образом, рыночный процесс представляет собой процесс выравнивания. В

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* условиях рыночной экономики перераспределение богатства происходит постоянно и в масштабах, по сравнению с которыми внешне схожие процессы, инициируемые современными политиками, выглядят незначительными – хотя бы по той причине, что рынок наделяет богатством тех, кто способен им распорядиться, а политики – своих избирателей, которые, как правило, на это не способны.

Движущая сила процесса перераспределения богатства – не сочетание случайных факторов. Те, кто в нем участвует, играют не на «авось», а проявляют свои навыки. Этот процесс, как и все подлинно динамичные процессы, отражает передачу знаний от одного человека к другому. Он возможен лишь потому, что некоторые обладают знаниями, которые другие еще не приобрели, поскольку информация об изменениях и их последствиях распространяется в обществе постепенно и неравномерно.

В рамках этого процесса успеха добивается тот, кто раньше всех остальных осознает, что некий ресурс, который сегодня можно производить, если он еще не появился, или купить (если он уже существует) по цене A , завтра станет элементом какого-то продуктивного сочетания, в результате чего его стоимость составит уже A' . Подобная прибыль или убытки, обусловленные возможностью или потребностью в переходе от одного способа использования ресурса к другому (более эффективному или менее эффективному, чем первый), составляет экономическую суть богатства в изменчивом мире и является главной движущей силой его перераспределения.

В ходе этого процесса вероятность того, что один и тот же человек раз за разом будет правильно угадывать новые способы возможного использования существующих или потенциальных ресурсов, крайне мала – если он, конечно, не гений. Но даже в последнем случае его наследники вряд ли покажут столь же блестящий результат (если они, опять же, не гениальны). В мире неожиданных изменений убытки в конечном итоге так же неизбежны, как и прирост капитала. Конкуренция между владельцами капитала и специфика ресурсов длительного пользования, даже если эта специфика многогранна, обуславливают чередование прибыли и убытков.

У этих экономических феноменов есть определенные социальные последствия. Поскольку критики рыночной экономики сегодня предпочитают основываться на аргументах «социального» плана, нам, пожалуй, стоит прояснить подлинные социальные результаты рыночного процесса. Мы уже отмечали, что суть этого процесса – выравнивание. Сейчас мы можем точнее определить его результаты как вариант феномена, который Парето называл «круговоротом элит». Богатство редко остается надолго в одних и тех же руках. По мере того как непредвиденные изменения придают ценность то одному, то другому конкретному ресурсу, порождая прирост или убавление капитала, оно переходит из рук в руки. Можно повторить вслед за Шумпетером: владельцы богатства напоминают постояльцев отеля или пассажиров поезда – они всегда существуют, но их состав часто меняется.

Как мы видели, в условиях рыночной экономики любое богатство проблематично. Чем более долгосрочный и специфический характер носят ресурсы, тем ограниченнее круг способов их использования и тем очевиднее наличие проблемы. Однако в обществе, где объем фиксированного капитала был невелик – основной объем накопленного богатства принимал форму запасов товаров в основном сельскохозяйственных и с ограниченным сроком годности и где потребительских товаров длительного пользования, за исключением разве что домов и мебели, практически не существовало, – эта проблема была не столь заметна. Именно в таком обществе жили классики экономической науки, и многие его особенности они перенесли в свои теории. Таким образом, применительно к тогдашним условиям вывод этих экономистов о том, что любой капитал обладает однородностью и идеальной универсальностью (они противопоставляли его единственному на тот момент специфическому и невозпроизводимому ресурсу – земле), представляется в определенной степени обоснованным. Однако в наше время подобная дихотомия неоправданна. Чем больше в обществе объем основных фондов, чем длительнее срок их использования, тем сильнее вероятность того, что капитальные ресурсы, пока они не исчерпаются, будут использоваться не в тех целях, для которых они первоначально предназначались. На практике это означает, что в современной рыночной экономике постоянных источников дохода не существует. Длительность пользования и ограниченная универсальность это попросту исключают.

В настоящей статье мы подчеркивали прежде всего тот факт, что перераспределение капитала под воздействием рыночных сил в постоянно меняющемся мире – повсеместный и очевидный феномен. Почему же тогда он неизменно игнорируется? Можно понять, почему его игнорируют политики: в конце концов, подавляющее большинство избирателей не испытывают непосредственно на себе его воздействие, и даже если испытывают, вряд ли способны понять суть происходящего – как было наглядно продемонстрировано

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* на примере инфляции. Но почему этот феномен обходит вниманием и экономисты? Им по идее должен импонировать тезис о том, что распределение богатства – результат действия экономических сил. Отчего же тогда столь многие экономисты продолжают рассматривать распределение богатства как «параметр» в вышеописанном втором значении этого понятия? На наш взгляд, проблема связана с чрезмерным вниманием к проблемам равновесия. Как мы уже видели, изменение способов распределения богатства – атрибут неравновесного мира. Прирост и убавление капитала происходит в основном из-за того, что ресурсы длительного характера приходится использовать незапланированными способами, и из-за того, что некоторые люди раньше и лучше других понимают значение меняющихся потребностей и ресурсов в динамичном мире. Равновесие означает постоянство планов, но перераспределение богатства рыночными механизмами, как правило, становится результатом спонтанных действий. Тем, кто привык мыслить категориями равновесия, процессы вроде тех, что мы описали, естественно, представляются чем-то не слишком «респектабельным». Для них «реальные» экономические силы – это те, что поддерживают равновесие. Поэтому силы, действующие в отсутствие равновесия, таким экономистам малоинтересны и чаще всего ими игнорируются.

Мы, конечно, не утверждаем, что современный ученый, столь искушенный в «грамматике» равновесия и столь неосведомленный о реалиях рынка, не способен или не готов анализировать изменения в экономике: это было бы нелепо. Мы только хотим сказать, что он хорошо подготовлен лишь к исследованию изменений, соответствующих довольно негибким теоретическим рамкам.

Сочетание политической и экономической свободы позволяет человечеству творить чудеса

Темба А. Нолутшунгу

В июле 1794 года Максимилиан Робеспьер – революционер-республиканец, радикал-демократ и вдохновитель якобинского террора, от которого до 40 000 французов и француженок погибли на гильотине как «враги народа», – был казнен своими политическими противниками. За несколько мгновений до смерти он обратился к толпе, прежде преклонявшейся перед ним, а теперь жаждавшей его крови, с такими словами: «Я дал вам свободу, а вы хотите еще и хлеба». На этом закончился террор.

Мораль, которую мы можем извлечь из этой истории, заключается в следующем: между политической свободой и экономическим благосостоянием существует связь, но это не одно и то же.

Экономическое благосостояние – следствие свободы. В ЮАР, где уровень безработицы, по официальным данным, составляет 25 % трудоспособного населения (эта цифра не включает тех, кто уже отчаялся и оставил попытки найти работу), разрыв между политической свободой и экономическим благосостоянием чреват катастрофическими последствиями – причем эта опасность усугубляется тем, что приходящие к власти правительства раз за разом обещают своим избирателям всяческие социальные льготы.

Чтобы справиться с нашими проблемами, необходимо избавиться от некоторых ошибочных представлений.

Создание новых рабочих мест – не функция государства. Чтобы работа была постоянной, они должны создаваться частным сектором. Государство создает рабочие места на деньги налогоплательщиков, и это равносильно субсидированию занятости. Такие рабочие места не являются постоянными, а потому их наличие не дает позитивных экономических результатов. Создает богатство прежде всего частный сектор, а госсектор его потребляет.

Деньги – лишь средство, обеспечивающее обмен товарами и услугами, а потому они должны быть связаны с производительностью труда и отражать ее уровень. Когда я в 1991 году посетил посткоммунистическую Россию и Чехословакию, там в ходу был анекдот: рабочие делают вид, что работают на государство, а государство делает вид, что им платит. Поэтому, на мой взгляд, говоря об осмысленном создании рабочих мест, внимание следует сосредоточивать исключительно на частном секторе.

Напрашивается вопрос: какую экономическую политику следует проводить применительно к частным предприятиям? Какие меры способствуют повышению их производительности, а какие препятствуют? Одним словом, что следует делать? Рассмотрим принципы, лежащие в основе простейшего обмена с двумя участниками. Простые трансакции могут служить «микроиллюстрацией» функционирования экономики в целом. Они должны показывать руководству государства, какая политика больше всего соответствует природе человека, поскольку в экономике именно человеческий фактор имеет решающее значение. Перенесемся для начала в незапамятные времена и представим себе пещерного человека – опытного охотника, не умеющего, однако, делать оружие для охоты.

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера file

И вот наш пещерный человек встречается с опытным мастером и соглашается отдать часть добычи в обмен на нужное ему оружие. По итогам трансакции оба участника довольны: они считают, что получили нечто более ценное для них, чем то, что они отдали. Рано или поздно мастер поймет: если он не будет сам ходить на охоту и сосредоточится на изготовлении оружия, он сможет менять свои изделия на мех, мясо, слоновую кость и так далее. Одним словом, он начнет заниматься бизнесом. В результате получают выгоду как сам мастер, так и все его клиенты, которые обзаводятся более эффективным охотничьим оружием.

В связи с этим сценарием необходимо отметить, что в ходе описанного процесса не применяется ни сила, ни обман.

Не участвуют в нем и никакие третьи стороны. Никто не указывает, по каким правилам должен вестись бизнес. Правила, которыми руководствуются участники трансакций, возникают спонтанно. Участники словно подчиняются естественному порядку вещей. Экономист Фридрих Хайек называл это спонтанным порядком, и одним из его элементов является взаимное уважение к правам частной собственности.

Этот простой пример говорит о том, что в современных условиях отказ государства от вмешательства в экономическую деятельность оборачивается высокими темпами роста и соответствующими социально-экономическими благами. Иными словами, если власти поощряют экономическую свободу производителей и потребителей, позволяют им беспрепятственно осуществлять трансакции, не сопряженные с принуждением или мошенничеством, страна и ее народ процветают. Это гарантированный способ добиться сокращения безработицы, улучшить качество образования и здравоохранения.

Эти основополагающие принципы касаются всех экономик, независимо от культурного контекста, в котором каждая из них формировалась.

Распространенный миф о «трудовой этике» требует критического разбора. Эта концепция косвенно подкрепляет национальные или этнические стереотипы, связанные с наличием или отсутствием трудовой этики. Логическим следствием этого становится вывод о том, что бедные бедны, поскольку у них отсутствует трудовая этика, а богатые добиваются успеха благодаря тому, что у них она есть, – такая точка зрения весьма опасна, особенно если различие делается по расовому признаку.

До падения Берлинской стены в 1989 году ФРГ по объему ВВП занимала второе место в мире, а экономика ГДР находилась в катастрофическом состоянии. А ведь в обоих государствах жил один и тот же народ с одинаковой культурой, и даже члены одних и тех же семей, разделенных после Второй мировой войны. То же самое можно сказать и о Корейском полуострове: Южная Корея – экономический гигант, а КНДР катится в пропасть и не может обходиться без иностранной помощи. А ведь речь снова идет об одном народе, одной культуре. Вспомним также, какой контраст существовал между КНР и Гонконгом до того, как в 1992 году Дэн Сяопин инициировал радикальные рыночные реформы, объявив, что богатство заслуживает похвалы, и не важно, какого цвета кошка – главное, чтобы она ловила мышей. И опять – один и тот же народ, одна и та же культура, одни и те же красноречивые экономические контрасты. Во всех этих случаях различия определяются степенью свободы, которой пользуются экономические акторы.

С 1992 года благодаря радикальным рыночным реформам Китай активно наращивал свой экономический потенциал, и сегодня он занимает третье место в мире по объему ВВП. В то же время США, как отмечает Бертель Шмитт, к сожалению, «подобрали социалистическую инструкцию по руководству экономикой, которую Дэн Сяопин благоразумно выбросил».

Богатство страны и ее жителей определяется законодательной и институциональной системой, в рамках которой происходит экономическая деятельность, и особенно степень государственного регулирования экономики. Иными словами, доходы индивидов зависят от того, насколько государство позволяет им пользоваться экономической свободой.

Сказанное можно подытожить словами профессора Уолтера Уильямса, автора заставляющей задуматься книги «Война Южной Африки против капитализма». Еще в 1986 году он отмечал: «Проблемы ЮАР позволят решить не специальные программы, не льготы для чернокожих, не социальные выплаты и поддержка. Их решит свобода. Ведь если вы, глядя на ситуацию в мире, ищите богатых людей и многообразные способы, позволяющие им хорошо жить, это значит, что вы ищите общество с достаточно высоким уровнем свободы личности».

Часть 4 Глобализация капитализма

Глобальный капитализм и справедливость

Джун Арунга

Мой опыт говорит о том, что подавляющее большинство – возможно до 90 % –

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* разногласий вызвано отсутствием информации у одной из сторон. Особенно важное значение этот факт приобретает, когда люди перемещаются из одного культурного пространства в другое. Сегодня мы наблюдаем резкий рост торговли в Африке, между африканцами, – и это после долгого периода их изоляции друг от друга из-за протекционизма, национализма и непонимания. Думаю, развитию торговли можно только порадоваться. Кое-кто воспринимает рост товарооборота с опасением; мне кажется, им просто не хватает информации.

Глобализация – это реальность, и, на мой взгляд, ее следует приветствовать. Она обеспечивает передачу навыков, доступ к технологиям из всех стран мира и многое другое. Однако многие остаются за бортом этого процесса. Возникает вопрос: почему? В 2002 году мне довелось встретиться со шведским экономистом Юханом Норбергом, автором книги «В защиту глобального капитализма», и меня поразило, как он работает с информацией. Норберг не отвергал с ходу доводы оппонентов свободной торговли. Он выслушивал их, анализировал их точки зрения и проверял их данные. Именно интерес к реальным фактам сделал его сторонником капитализма.

Поразил меня и его неподдельный интерес к положению самых незащищенных людей – бедняков. Норберг путешествует по миру и задает вопросы. Он не указывает людям, что те должны думать. Расспрашивая бедняков, получивших возможность заниматься торговлей – в качестве коммерсантов или сотрудников предприятий, участвующих в международной торговле, – он получал сведения, которые упускали из виду чиновники и власть имущие. Стала ваша жизнь лучше или хуже после того, как вы поступили на эту новую фабрику? Помогает вам первый в вашей жизни мобильный телефон? Увеличились или уменьшились ваши доходы? Как вы передвигаетесь: пешком, на велосипеде, на мотоцикле или на машине? Что вам больше нравится: ездить на мотоцикле или ходить пешком? Норберг настойчиво ищет факты из нашей повседневной жизни. Он спрашивает людей, непосредственно связанных со свободной торговлей, что они о ней думают и изменила ли она их жизнь к лучшему. Его интересуют не обобщения, а личные мнения.

Нам стоит задаться вопросом не только о том, что наше государство делает для нас, но и что оно делает с нами. Наши правительства причиняют нам зло: грабят нас, не дают заниматься коммерцией, не позволяют беднякам выбиться из нищеты. Из-за отсутствия верховенства закона в странах с низкими среднедушевыми доходами местным инвесторам не позволено участвовать в конкурентной борьбе. Может быть, именно поэтому такие страны и остаются бедными – потому что их правительства не уважают собственный народ. Правительства многих бедных стран стараются привлечь «иностранных инвесторов», но не допускают на рынок собственных граждан. Обеспечение соотечественникам доступа к рынку и конкуренции не входит в их планы. У местных жителей есть понимание специфики собственной страны, то, что называется «местным знанием». Но правительства наших африканских стран не дают им участвовать в рыночной деятельности, отдавая предпочтение иностранным и отечественным группам интересов.

К примеру, жесткие ограничения, душащие конкуренцию в секторах услуг африканских стран – в частности, в банковском деле и водоснабжении, – игнорируют способность их граждан с пользой применять «местное знание» соответствующих технологий, предпочтений потребителей и существующей инфраструктуры. Когда особые привилегии предоставляются «иностранным инвесторам», а местное население отстраняют от участия в конкуренции, это не имеет ничего общего с подлинной глобализацией. Если «особые экономические зоны», создаваемые правительствами наших стран для привлечения «иностранных инвесторов» так хороши, почему подавляющему большинству африканцев они не приносят никакой выгоды? Почему они считаются «особыми», привилегированными зонами, а не частью системы свободной торговли, доступной для всех? Свобода торговли – это свобода участия в конкурентной борьбе за обслуживание людей, а не особые привилегии для местных элит, чурящихся конкуренции, и иностранных инвесторов, для которых всегда открыты двери в министерские кабинеты.

Когда транснациональные корпорации пользуются особым расположением наших правительств, а местным фирмам собственные власти блокируют доступ на рынок, это никакая не «свобода торговли». Свобода торговли предполагает равенство всех перед законом и право всех беспрепятственно участвовать в самом естественном из занятий: добровольном обмене.

Процветание африканцам принесет не иностранная помощь или незаработанные деньги. Этого мы в Африке уже нахлебались досыта, и на тяжкую долю бедняков это никак не повлияло. Подобная «помощь» порождает коррупцию и подрывает верховенство закона. Она привязывается к приобретению услуг у определенных фирм из стран, предоставляющих помощь, что искажает коммерческие отношения. Но хуже всего другое – «помощь» отрывает правительства от собственных

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* народов, поскольку те, кто оплачивает их счета, живут не в Африке, а в Париже, Вашингтоне или Брюсселе.

Процесс торговли может искажаться и сковываться местными элитами, имеющими «доступ к телу» министров – ну, вы знаете, как это делается. Он может искажаться предоставлением монопольных прав, отсечением конкурентов – отечественных и зарубежных. Кроме того, процесс торговли искажается и становится несвободным, когда иностранные элиты получают от наших правительств монопольные права за счет соглашений о «привязке» помощи, заключаемых при соучастии иностранных правительств: соглашений, носящих фиксированный характер, а значит, отсекающих местных и зарубежных конкурентов. Все эти формы регулирования ограничивают наш рынок и нашу свободу. Поскольку у нас нет свободы выбора, мы вынуждены приобретать товары и услуги не самого высокого качества и не по самой выгодной цене. Несвобода мешают нам подняться с колен и закрепляет нищету.

Но нас не просто лишают качественных и дешевых товаров. Нас лишают возможности изобретать что-то новое, пользоваться плодами нашей мысли, улучшать свое положение за счет нашей энергии и интеллекта. В долгосрочном плане это еще более тяжкое преступление, совершаемое против нас. Протекционизм и привилегии не просто закрепляют банкротство экономики – они парализуют наш ум, отвагу, силу характера, волю, решимость и веру в себя. Что нам нужно – так это информация. Надо говорить с простыми людьми. Надо проверять факты. В большинстве случаев они не секретны, но мало кто дает себе труд с ними ознакомиться. Подавляющее большинство данных свидетельствует о том, что рыночная капиталистическая экономика, свобода торговли и равноправие в рамках верховенства закона обеспечивают процветание большинству людей.

Нам нужен рыночный капитализм, создающий простор для реализации нашего потенциала. В своей книге «Загадка капитала» перуанский экономист Эрнандо де Сото показывает, как бедняки могут превратить «мертвый капитал» в «живой» и тем самым улучшить свое положение. Отсутствие капитала нельзя считать непреодолимым препятствием. У нас в Африке капитала хоть отбавляй, но большую его часть нельзя использовать, чтобы улучшить нашу жизнь. Он «мертв». Чтобы оживить его и использовать во благо, нам следует совершенствовать наши права собственности. Нам нужна собственность, то есть уважение к нашим правам. Нам нужно равенство всех перед законом. Нам нужен свободный рыночный капитализм.

Глобализация улучшает положение людей

Вернон Смит

Сегодня я буду выступать на оптимистическую тему. Речь пойдет об обмене и рынках, обеспечивающих специализацию задач и знаний. Именно эта специализация – ключ к созданию любого богатства и единственный источник устойчивого улучшения положения людей. Она суть глобализация.

Проблема состоит в том, что все мы действуем одновременно в двух «пространствах обмена». Во-первых, мы живем в мире личного социального обмена, основанного на взаимности и нормах, общих для небольших групп, семей и общин. фраза «я у тебя в долгу» существует на многих языках: люди добровольно признают, что обязаны другим за оказанные услуги. Со времен первобытных людей личный обмен обеспечивает специализацию задач (охота, рыболовство, изготовление орудий труда), закладывает основу для роста производительности труда и благосостояния. Это разделение труда в незапамятные времена позволило людям расселиться по всему миру. Таким образом, специализация дала старт глобализации задолго до появления того, что мы называем рыночной экономикой.

Во-вторых, мы живем в мире безличного обмена на рынке, в рамках которого в процессе «дистанционной» торговли между незнакомцами возникли общение и сотрудничество. Совершая личный обмен, мы обычно стремимся сделать что-то хорошее для других. На рынке это стремление зачастую исчезает, поскольку каждый из нас обычно сосредоточивается на личной выгоде. Однако наши лабораторные эксперименты показывают: те же люди, что изо всех сил стараются сотрудничать в процессе личного обмена, в масштабах рынка в целом стремятся к максимальной выгоде для себя. При этом в ходе рыночных транзакций они неосознанно увеличивают до максимума общую выгоду для группы. В чем причина? Она связана с правами собственности. При личном обмене правила, определяющие его, возникают за счет добровольного согласия сторон. В условиях безличного рыночного обмена аналогичные правила – например, права собственности, запрещающие что-либо брать, не отдавая ничего взамен, – заложены в институциональной системе. Таким образом, и в том и в другом случае пространство обмена функционирует одинаково: чтобы что-то получить, надо что-то отдать. Основа благосостояния

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера file

Степень специализации определяют рынки товаров и услуг, в рамках которых создается богатство. На организованных рынках издержки производства и предложение ценных в глазах потребителей товаров сравнительно предсказуемы. Эти постоянно повторяющиеся действия на рынке отличаются невероятной эффективностью – даже в условиях весьма сложных рыночных отношений, когда обмен охватывает множество товаров.

В ходе своих экспериментов мы также обнаружили: люди, как правило, не согласны с тем, что какая-либо модель позволяет спрогнозировать конечную цену, а также объем товаров, которые они продают и покупают. На деле для эффективности рынка не требуется большого количества участников, полной информации, понимания экономических процессов и каких-то особых знаний. В конце концов, люди торговали на рынках задолго до того, как появилась экономическая наука, исследующая эти процессы. Все, что вам нужно знать, – это когда вы зарабатываете больше денег, а когда меньше, и есть ли у вас возможность скорректировать свои действия.

Отличительной чертой рынков товаров и услуг является разнообразие – разнообразие вкусов, навыков, знаний, природных ресурсов, почв и климатических условий. Но разнообразие без свободы обмена означает нищету. Ни один человек, даже в изобилии наделенный каким-либо единственным ресурсом или квалификацией, не может добиться благосостояния в отсутствие торговли. В условиях свободного рынка мы зависим от других людей, которых мы не знаем в лицо или по имени и даже не понимаем. Без рынка мы были бы бедны, обездолены, грубы и невежественны.

Рынок требует добровольного соблюдения правил социального взаимодействия и экономического обмена. Лучше всего этот принцип сформулировал Давид Юм еще 250 лет назад: существует лишь три закона природы – право собственности, передача имущества по взаимному согласию и выполнение обещаний. Таковы главные основы порядка, делающего возможным существование рынка и процветание.

«Законы природы» Юма вытекают из древних заповедей: не укради, не желай имущества ближнего своего, не лжесвидетельствуй. «Воровство» поглощает богатство и препятствует его воспроизводству. Притязания на имущество ближнего поощряют государство, действующее насильственными методами, к перераспределению богатства, тем самым ставя под угрозу стимулы для выращивания завтрашнего урожая. Лжесвидетельство подрывает общность, репутацию менеджмента, доверие инвесторов, прибыльность в долгосрочной перспективе и личные обмены, носящие наиболее человеческий характер. Рынок дает обещанные результаты

Экономическое развитие связано с наличием свободных экономических и политических систем, рожденных верховенством закона и правами частной собственности. Централизованная плановая экономика ни разу не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В то же время существует немало больших и малых стран (от Китая до Новой Зеландии), где государство сломало хотя бы часть барьеров на пути экономической свободы. Эти страны обеспечили впечатляющий экономический рост, просто позволив своим гражданам улучшать собственное экономическое положение.

Китай значительно продвинулся по пути к экономической свободе. Чуть больше года назад в его конституцию были внесены поправки, позволяющие людям иметь, покупать и продавать частную собственность. Для чего это было сделано? Одна из проблем, с которыми столкнулись власти КНР, заключалась в том, что люди покупали и продавали собственность, даже несмотря на то, что такие трансакции не признавались государством. Это позволяло чиновникам на местах брать взятки с тех, кто нарушал закон, занимаясь торговлей. Признав права собственности, правительство страны пытается подорвать основу чиновничьей коррупции на местах, которую очень трудно отслеживать и обуздывать из Центра. На мой взгляд, принятые поправки к конституции представляют собой инструмент ограничения всепроникающей коррупции в госаппарате и политического вмешательства в процесс экономического развития.

Хотя этот шаг не стал результатом приверженности политической демократии, он вполне может проложить путь к более свободному обществу. Позитивные результаты уже налицо: 276 фирм, входящих в список 500 крупнейших компаний мира по версии журнала Fortune, сегодня вкладывают капиталы в гигантский технопарк вблизи Пекина, действующий на весьма благоприятных условиях пятидесятилетней аренды, предоставленной государством.

Пример Ирландии служит иллюстрацией того, что и малая страна может обогатиться за счет реализации экономической политики государства. В прошлом Ирландия массово «экспортировала» людей. Это приносило выгоду Соединенным Штатам и Британии, куда направлялись способные эмигранты-ирландцы, бежавшие от беспросветной жизни у себя на родине. Всего двадцать лет назад Ирландия была бедна как страна третьего мира, но сегодня

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* по среднедушевому доходу она опередила свою бывшую метрополию и стала видным игроком на европейской экономической арене. По данным Всемирного банка, темпы роста ВВП Ирландии повысились с 3,2 % в 1980-х годах до 7,8 % в 1990-х. В последние годы она занимает восьмое место в мире по среднедушевым доходам, а Великобритания – только пятнадцатое. За счет привлечения прямых иностранных инвестиций (в том числе венчурного капитала) Ирландия не только прекратила «утечку мозгов», но и развернула процесс в обратную сторону – молодежь теперь возвращается на родину. Эти молодые люди возвращаются благодаря возможностям, которые создало расширение сферы экономической свободы в Ирландии. Их можно назвать примером уверенных в себе предпринимателей в сфере «экономики знаний», улучшающих положение людей и создающих богатство не только для родной страны, но также для Соединенных Штатов и других государств мира. Биографии этих людей свидетельствуют о том, что отказ от негодной государственной политики создает новые экономические возможности, способные диаметрально изменить ситуацию с «утечкой мозгов».

Бояться нечего

Одним из важнейших элементов процесса перемен, роста и улучшения экономических условий является предоставление возможности «вчерашним» рабочим местам двинуться в путь вслед за технологиями вчерашнего дня. Если власть запретит отечественному бизнесу заниматься аутсорсингом, иностранных конкурентов это не остановит. С помощью аутсорсинга эти конкуренты смогут сократить издержки, за счет сэкономленных средств снизить цены и модернизировать производство, получив тем самым серьезные преимущества на рынке.

Один из наиболее известных примеров аутсорсинга – перемещение текстильного производства из Новой Англии на юг США после Второй мировой войны: в южных штатах зарплаты были ниже. (Как и следовало ожидать, это привело к росту зарплат на Юге, и в конечном итоге текстильное производство вновь переместилось – теперь в азиатские страны с дешевой рабочей силой.)

Однако рабочие места в Новой Англии никуда не исчезли. На смену текстильной промышленности пришли высокотехнологичные отрасли – электронно-информационная и биотехнологическая. В результате, несмотря на потерю некогда важных предприятий, Новая Англия от этого перемещения только выиграла. В 1965 году Уоррен Баффет приобрел одну из пришедших в упадок текстильных компаний штата Массачусетс – Berkshire-nathaway. Финансовые поступления от этой фирмы (их объем падал, но оставался значительным) он реинвестировал в целый ряд венчурных компаний, испытывавших недостаток финансирования. Как известно, эти компании добились впечатляющего успеха, и через 40 лет рыночная капитализация корпорации Баффета составила 133 миллиарда долларов. То же самое сегодня происходит с компаниями K-Mart и Sears Roebuck. Ничто не вечно под луной: когда старые фирмы приходят в упадок, их ресурсы направляются на создание новых.

Только что Национальное бюро экономических исследований обнародовало новый доклад об инвестициях американских транснациональных корпораций на родине и в других странах. Результаты исследования показали: их капиталовложения в Соединенных Штатах в три раза превышают инвестиции за рубежом. Это свидетельствует о взаимодополняющем характере инвестиций в своей стране и за границей: увеличение в одной сфере влечет за собой рост капиталовложений и в другой. По оценке McKinsey and Company, каждый доллар, потраченный американскими компаниями на аутсорсинг в Индии, дает Соединенным Штатам прибавку в 1,14 доллара. Примерно половина полученного дохода возвращается инвесторам и клиентам, а оставшаяся часть используется в основном для создания новых рабочих мест в США. Для контраста: в Германии каждый вложенный за рубежом евро дает национальной экономике отдачу лишь в 80 % – прежде всего потому, что из-за масштабного государственного регулирования уволенным немецким трудящимся получить новую работу гораздо труднее, чем американцам.

На мой взгляд, пока Соединенные Штаты будут занимать первое место в мире по уровню инноваций, нам незачем бояться ни самого аутсорсинга, ни того, что нашим политикам удастся его запретить. По данным Института международной экономики, в 1999–2003 годах в стране было создано более 115 000 высокооплачиваемых рабочих мест в сфере производства компьютерного программного обеспечения, а из-за аутсорсинга за тот же период мы потеряли только 70 000 рабочих мест. Аналогичным образом в секторе услуг было создано 12 миллионов рабочих мест, а потеряно 10 миллионов. Этот феномен динамичных перемен в технологической сфере и замене рабочих мест в старых отраслях новыми составляет суть экономического развития.

Перенос производства в другие страны, американские компании экономят деньги и вкладывают высвободившиеся средства в новые технологии и новые рабочие места – это позволяет им сохранить конкурентоспособность на мировом

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера фильм. К сожалению, невозможно пожать плоды преобразований без болезненного процесса перемен. Перемены болезненны для тех, кто теряет работу и вынужден искать новый род занятий. Они болезненны для тех, кто идет на риск, инвестируя в новые технологии, и проигрывает. Но выгода, получаемая победителями, создает огромные объемы богатства для экономики в целом. Эти преимущества закрепляются на рынке за счет проб и ошибок, а также опыта, накапливаемого в процессе конкуренции. Глобализация – явление не новое. Это просто современный термин, обозначающий вековечный путь человечества, стремление людей улучшить свое положение за счет обмена и специализации в мировом масштабе. Кроме того, глобализация – синоним мира. Вспомним мудрое замечание великого французского экономиста Фредерика Бастиа: если границы не пересекают товары, их рано или поздно пересекут солдаты. Культура свободы

Марио Варгас Льюса

Наиболее эффективные нападки на глобализацию, как правило, связаны не с экономической тематикой, а с социальными, этическими и прежде всего культурными вопросами. Эти аргументы звучали во время беспорядков в Сиэтле в 1999 году, отдавались эхом в Давосе, Бангкоке и Праге. Вот их суть: стирание национальных границ и формирование мира, взаимосвязанного через рынки, нанесет смертельный удар региональным и национальным культурам, а также традициям, обычаям, мифам и нравам, определяющим культурную идентичность каждой страны или региона. Поскольку большинство стран не способно сопротивляться вторжению культурных продуктов из развитых стран, а точнее, из единственной сверхдержавы – Соединенных Штатов, неизбежно следующих в хвосте у гигантских транснациональных корпораций, им в конечном итоге будет навязана североамериканская культура, нивелирующая мир и вытравливающая пышную «поросль» культурного многообразия. Так все другие народы, а не только малочисленные и слабые, утратят свою идентичность, свою душу, и будут низведены до колониальных подданных образца XXI века – зомби или карикатурных подражаний культурным нормам неоимпериализма, который будет не только править миром за счет капитала, военной мощи и научных знаний, но и навязет другим свой язык, образ мысли, убеждения, наслаждения и мечты.

Эта антиутопия, кошмарная картина мира, теряющего из-за глобализации свое культурное многообразие, «экспроприированного» в культурном плане Соединенными Штатами, – удел не только левых политиков, ностальгирующих по Марксу, Мао или Че Геваре. Подобная обвинительная истерия, порожденная ненавистью и злобой по отношению к североамериканскому гиганту, проявляется и в развитых странах, среди культурных народов, во всех политических кругах – левых, правых, центристских.

Особенно вопиющий характер она носит во Франции, где государство то и дело разворачивает кампании в защиту французского «культурного своеобразия», которому будто бы угрожает глобализация. Множество интеллектуалов и политиков выражают тревогу в связи с тем, что страну, породившую Монтеня, Декарта, Расина и Мольера, давно уже ставшую законодательницей мод в одежде, мысли, искусстве, кулинарии и всех духовных сферах, могут завоевать «Макдоналдс», «Пицца Хат», «Кентукки Фрайд Чикен», рок, рэп, голливудские фильмы, джинсы, кроссовки и футболки. Результатом этого страха стало, например, щедрое субсидирование французскими властями отечественной киноиндустрии и требования введения квот, предписывающих кинотеатрам показывать определенное количество французских фильмов и ограничивающих импорт американской кинопродукции. Подобные опасения также побуждают муниципальные органы издавать грозные постановления, устанавливающие высокие штрафы за рекламные объявления, в которых язык Мольера «загрязняется» англицизмами. (Впрочем, гуляя по Парижу, любой может убедиться, что этим предписаниям никто особенно не следует.) По этой причине Жозе Бове, фермер и самозванный борец против *la malbouffe* («гадкой пищи»), стал во Франции настоящим народным героем. (Теперь, когда его осудили на три месяца тюрьмы, популярность Бове, скорее всего, только усилилась.)

Хотя лично я считаю такие доводы культурного порядка против глобализации неприемлемыми, необходимо признать, что в них есть и несомненное зерно истины. Нынешнее столетие, тот мир, в котором нам предстоит жить, будет менее живописным, в меньшей степени окрашенным местным колоритом, чем тот, что мы оставили позади. Праздники, одежда, обычаи, церемонии, ритуалы и верования, в прошлом обеспечивавшие фольклорное и этнологическое разнообразие человечества, уходят в прошлое или сохраняются лишь у меньшинств: основная часть общества отказывается от них в пользу иного образа жизни, более соответствующего реалиям нашего времени. Этот процесс

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера film

охватывает все страны мира – где-то он идет быстрее, где-то медленнее. Но связано это не с глобализацией, а с модернизацией, по отношению к которой первая является следствием, но не причиной. Конечно, можно сожалеть по поводу этого процесса и испытывать ностальгию по прежнему образу жизни, который – особенно задним числом – кажется полным веселья, оригинальности и красок. Но этот процесс неизбежен. Тоталитарные режимы в таких странах, как Куба и Северная Корея, опасаясь за собственную судьбу, отгораживаются от мира, запрещают все, что связано с современностью. Но даже они не способны помешать постепенному проникновению современности в эти государства, подрыву их так называемой культурной идентичности. Возможно, в теории страна и способна сохранить эту идентичность, но лишь в том случае, если она – подобно некоторым племенам, затерянным в глубине Африки или Амазонии, – полностью самоизолируется, прервет все обмены с внешним миром и будет жить по принципу автаркии. Но подобное сохранение культурной идентичности отбросит эту страну назад, к первобытному образу жизни.

Да, модернизация означает исчезновение многих аспектов традиционной жизни. Но одновременно она дает новые возможности, обеспечивая продвижение всего общества вперед. Поэтому, имея свободу выбора, народы, порой вопреки желаниям своих лидеров и интеллектуалов-«почвенников», без колебаний отдадут предпочтение модернизации.

Обвинения в адрес глобализации и доводы в защиту культурной идентичности отражают статичное представление о культуре, лишенное исторической основы. О каких культурах можно сказать, что они со временем не претерпевают никаких изменений? Чтобы их назвать, необходимо искать примеры среди малочисленных и примитивных общин, живущих в пещерах, поклоняющихся грому и звероподобным божествам и из-за собственной дикости крайне незащищенных от эксплуатации и истребления. Все другие культуры, особенно те, что имеют право называться современными и «живыми», эволюционировали до такой степени, что в них трудно узнать их собственные черты пятидесяти-семидесятилетней давности. Особенно эта эволюция бросается в глаза в таких странах, как Франция, Испания и Англия, где за последние пятьдесят лет произошли столь глубокие и явные изменения, что Марсель Пруст, Федерико Гарсиа Лорка и Вирджиния Вульф не узнали бы общество, в котором они родились и обновлению которого столь способствовали их труды. Понятие «культурная идентичность» небезопасно. С социальной точки зрения она представляет собой лишь сомнительную искусственную концепцию, но в политическом плане она угрожает самому ценному из достижений человечества: свободе. Я не пытаюсь отрицать тот факт, что люди, говорящие на одном языке, родившиеся и живущие на одной территории, сталкивающиеся с одинаковыми проблемами, исповедующие одинаковую религию и обычаи, имеют общие черты. Но этот коллективный деноминатор не позволяет полностью охарактеризовать каждого из них: он лишь устраняет или отодвигает на малозначительный второй план сумму уникальных качеств и черт, отличающих любого члена группы от других. Понятие идентичности, если оно применяется не только на индивидуальном уровне, по определению носит упрощенческий и нивелирующий характер, представляя собой коллективистское и идеологизированное отсечение всего, что есть оригинального и творческого в отдельной личности, всего, что не продиктовано происхождением, географией и влиянием среды. Подлинная идентичность, напротив, возникает из способности человека сопротивляться этим влияниям, противопоставляя им действия, совершаемые свободно и по собственному разумению.

Понятие «коллективная идентичность» – это идеологизированная фикция и основа национализма. По мнению многих этнологов и антропологов, оно не отражает истинного положения дел, даже когда речь идет о самых архаичных сообществах. Общие методы и обычаи, возможно, необходимы для защиты группы, но среди ее членов элемент инициативы и творчества, стремления освободиться от группового влияния неизменно бывает высок, и когда людей изучают как личности, а не как второстепенные элементы коллективного целого, их индивидуальные особенности превосходят общие черты. Глобализация предоставляет всем жителям планеты возможность строить свою индивидуальную культурную идентичность за счет добровольных действий, в соответствии с собственными предпочтениями и личными стремлениями. Сегодня граждане не всегда обязаны, как это было в прошлом и во многих странах имеет место даже сейчас, соответствовать идентичности, которая запирает их в концлагере, откуда невозможно сбежать, – идентичности, навязываемой им через язык, национальность, религию и обычаи той страны, где они родились. В этом смысле глобализацию следует приветствовать – ведь она существенно расширяет горизонт свободы личности.

Две истории нашего континента

Пожалуй, Латинская Америка может служить самым наглядным примером искусственности и абсурдности любых попыток установить коллективную

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* идентичность. Какой должна быть культурная идентичность Латинской Америки? Что следует включить в связный набор верований, обычаев, традиций, практик и мифов, наделяющий этот регион единым «характером», уникальным и неповторимым? Написание истории Латинской Америки сопровождалось научной полемикой – порой яростной – в попытке ответить на этот вопрос. Наибольшую известность приобрела дискуссия, развернувшаяся с начала XX века и прокатившаяся эхом по всему континенту, – в ней схлестнулись «испанисты» и «почвенники».

По мнению «испанистов», например Хосе де ла Рива Агуэро, Виктора Андреса Белаунде и Франсиско Гарсиа Кальдерона, Латинская Америка родилась тогда, когда в результате открытия Нового Света и Конквисты она присоединилась к испано- и португальскоязычному сообществу и, приняв христианство, стала частью западной цивилизации. «Испанисты» не пытаются принизить культуру коренных народов континента, но считают ее лишь одним из «слоев» – и не самым важным – социально-исторической реальности, которая окончательно обрела собственное лицо только благодаря оживляющему влиянию Запада. «Почвенники», напротив, с благородным негодованием отвергали тезис о благотворном влиянии европейцев на Латинскую Америку. По их мнению, корни и «душу» нашей идентичности надо искать в доиспанском периоде, культурах и цивилизациях, чье развитие и модернизация были грубо и насильственно прерваны, чье своеобразие замалчивалось, подвергалось гонениям и вытеснению не только в течение трехсотлетней колониальной эпохи, но и в дальнейшем, после торжества республиканского строя. По мнению теоретиков-«почвенников», подлинный «лик нашего континента» (позаимствуем название произведения Хосе Лесамы Лимы) состоит из культурных проявлений – от языков коренных народов до верований, ритуалов, искусства и народных обычаев, – устоявших в период «культурного угнетения» со стороны Запада и сохранившихся до наших дней. Видный историк, представлявший это же течение, перуанец Луис Валькарсель даже требовал сжечь церкви, монастыри и другие памятники архитектуры колониальной эпохи, поскольку они представляют собой «анти-Перу», «самозванцев», отрицающих первоначальную латиноамериканскую идентичность, которая может иметь исключительно коренной характер. А один из самых оригинальных латиноамериканских писателей – Хосе Мария Аргедас – в своих произведениях, полных как изящества, так и страстного нравственного протеста, рассказывал о том, как культуре индейцев кечуа удалось сохраниться в Андах, несмотря на удушающее и искажающее воздействие Запада. «Испанистское» и «почвенническое» течения породили ряд первоклассных исторических трудов и интереснейших художественных произведений, но с позиций сегодняшнего дня обе эти доктрины выглядят «сектантскими», упрощенческими и ложными. Обе концепции представляют собой попытки втиснуть пышное многообразие латиноамериканской действительности в узкие идеологические рамки и к тому же отдают расизмом. Кто сейчас осмелится утверждать, что только «испанское» или «индейское» наследие легитимно представляет Латинскую Америку? Тем не менее попытки слепить и отграничить нашу своеобразную «культурную идентичность» продолжают по сей день – с политическим и интеллектуальным рвением, заслуживающим лучшего применения. Навязывать народу культурную идентичность – все равно что запереть его в тюрьме, лишив самой ценной из всех свобод: права самому выбирать, кем он хочет быть. У Латинской Америки не единственная культурная идентичность, их много – и ни одна из них не вправе претендовать на особую легитимность и «чистоту».

Конечно, «латиноамериканскость» включает в себя до-испанское наследие и его культуры – которые в Мексике, Гватемале и Андских странах до сих пор представляют собой мощную социальную силу. Но Латинская Америка – это и испаноязычное, и португальскоязычное население, за которым стоит пятисотлетняя традиция, чье присутствие и воздействие сыграли решающую роль в формировании сегодняшнего «лица» континента. И разве нет в Латинской Америке еще и африканского элемента – ведь африканцы прибыли на наши берега вместе с европейцами? Разве их присутствие не оставило неизгладимый след на цвете нашей кожи, на нашей музыке, нашем темпераменте, нашем обществе? Культурные, этнические и социальные ингредиенты, из которых состоит Латинская Америка, связывают нас практически со всеми регионами и культурами планеты. Иметь столько культурных идентичностей – все равно что не иметь ни одной. И эта реальность, вопреки мнению националистов, и есть наше самое большое богатство. Кроме того, она – великолепное «удостоверение личности», позволяющее нам чувствовать себя полноправными гражданами нашего глобализованного мира.

Голоса с мест звучат на весь мир

Страх перед американизацией скорее отражает идеологическую паранойю, чем реальность. Конечно, в процессе глобализации английский несомненно стал для нас «общим» языком – как латынь в Средневековье. И его распространение

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* будет продолжаться, поскольку английский – незаменимый инструмент международных транзакций и общения. Но означает ли это, что он неизбежно развивается в ущерб другим великим языкам? Ни в коем случае. Все обстоит с точностью до наоборот. Размывание национальных границ и рост взаимозависимости в мире создают у молодежи стимулы для познания других культур и погружения в них – не только в качестве хобби, но из необходимости: ведь владение несколькими языками и способность комфортно себя чувствовать в разных культурах стали ключом к профессиональному успеху. Возьмем, к примеру, испанский язык. Полвека назад люди, говорящие по-испански, представляли собой интровертное сообщество: за пределами своего лингвистического ареала мы пользовались лишь весьма ограниченным влиянием. Сегодня же испанский язык обрел новую динамику и энергию, он завоевывает «плацдармы» и даже обширные «делянки» на всех пяти континентах. Испаноязычных граждан США сегодня насчитывается от 25 до 30 миллионов: этим объясняется тот факт, что на недавних президентских выборах два кандидата – губернатор Техаса Джордж Буш-младший и вице-президент Эл Гор – вели предвыборную кампанию не только по-английски, но и по-испански. Сколько миллионов юношей и девушек из разных стран мира в ответ на вызовы глобализации начали изучать японский, немецкий, китайский, русский или французский? Мы не знаем, но, к счастью, можем с уверенностью сказать, что в будущем эта тенденция неизбежно станет набирать силу. Поэтому лучший способ защитить наши языки и культуры – это их энергичное распространение в новом мире, а не наивные попытки делать им «прививки против английского». Те, кто предлагает подобные рецепты, пространно говорят о культуре, но на деле они невежественные люди, скрывающие свое истинное ремесло: ведь они подвизаются на ниве национализма. И если на свете существует нечто, противостоящее всечеловеческому потенциалу культуры, то это местечковая, узколобая и путаная концепция культурной жизни, навязываемая националистами. Самый ценный урок, что преподает нам история культур, заключается в следующем: чтобы сохранить жизненную силу и энергию, не нужна защита бюрократов или комиссаров, не нужно ограждать решеткой или изолировать предписаниями таможенных служб. Напротив, подобные меры лишь иссушают и даже примитивизируют культуру. Она должна жить свободно, постоянно соприкасаясь с другими культурами. Это позволяет культурам обновляться, развиваться и адаптироваться к бесконечно изменчивой жизни. В античные времена распространение латыни не погубило греческий: напротив, римская цивилизация была пронизана художественной самобытностью и интеллектуальной глубиной эллинской культуры – через Рим поэзия Гомера, философия Платона и Аристотеля распространились по всему миру. Глобализация не приведет к уничтожению «местных» культур: в рамках всемирной открытости все ценное и достойное сохранения в этих культурах найдет плодородную почву для расцвета.

Именно это сейчас происходит по всей Европе. Особенно примечательна ситуация в Испании, где с новой энергией возрождаются региональные культуры. Во времена диктатуры генерала Франсиско Франко они подавлялись и загонялись в подполье. Но когда в стране вновь утвердилась демократия, культурное многообразие Испании вырвалось наружу во всем своем богатстве, получило возможность для свободного развития. В рамках системы автономии местные культуры пережили настоящий бум – особенно в Каталонии, Галисии и Стране Басков, но и в других регионах Испании тоже. Естественно, этот региональный культурный ренессанс – явление позитивное и обогащающее – нельзя ставить на одну доску с феноменом национализма, угрожающим культуре свободы.

В знаменитой статье «Заметки к определению культуры», опубликованной в 1948 году, Томас Элиот предсказал: в будущем человечество ждет новый взлет региональных и местных культур. В то время его прогноз казался весьма смелым допущением. Однако в XXI веке глобализация, скорее всего, воплотит его в реальность, и это следует только приветствовать. Возрождение «малых» местных культур вернет человечеству то многообразие форм поведения и самовыражения, которое было уничтожено национальным государством в конце XVIII и особенно в XIX столетии в попытке сформировать так называемую национальную культурную идентичность. (Мы часто об этом забываем, или хотим забыть, поскольку этот факт приводит к весьма мрачным выводам нравственного порядка.) Национальные культуры зачастую создавались огнем и кровью, запретами преподавания и публикаций на местных диалектах, религиозных верований и обычаев, расходившихся с теми, которые национальное государство считало образцовыми. Так, во многих странах мира государство навязывало культуру большинства, а остальные подавлялись и изгонялись из официальной практики. Однако вопреки предостережениям тех, кто боится глобализации, полностью искоренить культуру – даже «малую» – чрезвычайно трудно, если за ней стоят богатая традиция и люди, хранящие ей верность, хотя бы втайне. И

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file* сегодня, благодаря ослаблению национальной государственности, мы видим, как забытые, вытесненные на обочину или вынужденные умолкнуть местные культуры вновь прорываются наружу, а ноты их жизненной энергии вплетаются в мощный многоголосый «концерт» нашей глобализованной планеты. Что еще почитать – для удовольствия и пользы (и подготовки хороших курсовых)

Массив работ о нравственных аспектах капитализма огромен. В основном это, увы, лишь макулатура. Ниже мы предлагаем краткий список качественной литературы, которая пригодится вам в ходе осмысления вопросов, связанных с капитализмом. Он мог бы быть намного длиннее, но ссылки на ряд других книг и статей – в том числе труды Смита, Мизеса, Хайека, Рэнд, Макклоски и прочих защитников рыночной экономики – уже дали авторы эссе, включенных в наш сборник. Поэтому смелее углубляйтесь в сноски! Тем не менее приведенный ниже список трудов – они расположены в алфавитном порядке по фамилиям авторов – несомненно даст вам пищу для размышления.

Acton H.V. *The Morals of Markets and Related Essays*. Indianapolis: Liberty Fund, 1993. Британский философ Г. Б. Актон четко и логично освещает такие феномены, как прибыль, конкуренция, индивидуализм, коллективизм, планирование, и ряд других тем. Friedman D. *Morals and Markets: An Evolutionary Account of the Modern World*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. Автор рассказывает о параллельном развитии рыночной экономики и нравственности, а также формулирует неоднозначные предложения по совершенствованию обеих этих сфер.

Hayek F.A. *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1988 [Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992]. Хайек получил Нобелевскую премию по экономике, но он был не «просто экономистом». В этой короткой книге – последней из его работ – он на основе своих разнообразных научных исследований выдвигает убедительные доводы в пользу рыночного капитализма. Jouvanel B. de. *The Ethics of Redistribution*. Indianapolis: Liberty Fund, 1990 [Жувенель Б. де. Этика перераспределения. М.: Институт национальной модели экономики, 1995]. Эта короткая книга написана на основе лекций, прочитанных знаменитым французским политологом в Кембриджском университете. Автор емко и четко анализирует этические основы и последствия попыток перераспределения доходов в целях достижения равенства.

Kirzner L. *Discovery and the Capitalist Process*. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Экономист, принадлежащий к «австрийской школе», анализирует вопросы, связанные с капитализмом, государственным вмешательством и социализмом через призму предприимчивости. В книге содержится немало интересных выводов об активности, инновациях, стимулах и прибыли.

Meadowcraft J. *The Ethics of the Market*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. Весьма сжатый обзор вопросов, поднимаемых различными противниками рыночного капитализма. *Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy* / Ed. by Paul J. Zak. Princeton: Princeton University Press, 2008. Авторы статей, включенных в этот сборник, освещают ряд тем, связанных с нравственностью рынка, на основе современных достижений науки в области теории игр, биологии, психологии и других дисциплин.

Ridley M. *The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation*. New York: Viking, 1997. Ридли – зоолог и известный популяризатор науки. Свои знания он применяет для объяснения поведения людей через призму эволюционной биологии. В книге содержатся ценные замечания о добродетели, собственности и торговле; к тому же она весьма легко читается.

Sugden R. *The Economics of Rights, Cooperation, and Welfare*. London: Palgrave Macmillan, 2005. Автор в доступной форме рассказывает читателю о моральных аспектах прав собственности и обмена в свете теории игр. Его математические выкладки весьма просты (правда-правда) и помогают нам понять великие идеи философа Давида Юма.

Об авторах

Джун Арунга, бизнесмен и кинопродюсер из Кении. Основатель и генеральный директор Open Quest Media LLC, автор двух документальных фильмов об Африке для BBC. Один из авторов книги «„Сотовая революция" в Кении» («*The Cell Phone Revolution in Kenya*»).

Дэвид Боуз, вице-президент Института Катона и консультант программы «Студенты за свободу» (*Students For Liberty*). Автор книги «Либертарианство: введение» («*Libertarianism: A Primer*») и составитель 15 изданий, включая «Хрестоматию либертарианства: классические и современные труды – от Лао Цзы до Милтона Фридмана» («*The Libertarian Reader: Classic and Contemporary*

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера (ed. *Writings from Lao Tzu to Milton Friedman*). Автор статей в *New York Times*, *Wall Street Journal* и *Washington Post*.

Дэвид Келли, генеральный директор Atlas Society, чья цель – содействовать развитию и распространению философии объективизма. Автор ряда книг, в том числе «Что говорят нам органы чувств» («*Evidence of the Senses*»), «Искусство аргументации» («*The Art of Reasoning*»), ставшей одним из самых распространенных учебников про логику в США, и «Собственная жизнь: права личности и „социальное государство“» («*A Life of One's Own: Individual Rights and the Welfare State*»), а также многочисленных статей в *Harper's*, *The Sciences*, *Reason*, *Harvard Business Review* и *Barron's*.

Людвиг Лахманн (1906–1990), немецкий экономист, в 1933 году был вынужден покинуть Германию и поселиться в Англии, где продолжил работу в Лондонской школе экономики. Автор ряда книг, в том числе «Капитал и его структура» («*Capital and Its Structure*»), «Наследие Макса Вебера» («*The Legacy of Max Weber*»), «Макроэкономическое мышление и рыночная экономика» («*Macro-Economic Thinking and the Market Economy*»), «Капитал, ожидания и рыночный процесс» («*Capital, Expectations, and the Market Process*») и «Рынок как экономический процесс» («*The Market as an Economic Process*»). Вошедший в настоящую книгу текст представляет собой слегка сокращенный вариант его статьи, вышедшей в 1956 году.

Дейдра Н. Макклоски преподает историю, английский и навыки общения в Университете штата Иллинойс (Чикаго). Автор 13 книг по экономике, экономической истории, статистике, риторике и литературе, а также мемуаров «Переходя черту» («*Crossing*»), в прошлом соредактор *Journal of Economic History*. Только что вышла в свет ее новая книга – «Достоинство буржуазии: почему экономическая наука не может объяснить современный мир» («*Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*»).

Мао Юйши, основатель и председатель пекинского Института единых правил (*Unirule Institute*), автор нескольких книг, а также ряда научных и научно-популярных статей. Создатель одних из первых частных благотворительных фондов и независимых организаций самопомощи в Китае. В 1950-х годах был осужден на принудительный труд, «перевоспитание» и полуголодное существование за две фразы: «Если свинины нет в продаже, надо повысить цены на свинину, и она появится» и «Если председатель Мао хочет встретиться с ученым, кто из них к кому должен приехать?».

Марио Варгас Льюиса, писатель, публицист и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии. Автор многочисленных художественных произведений, среди которых «Праздник козла», «Война конца света», «Тетушка Хулия и писака», «Похождения скверной девчонки» и «История Майты». Вошедшее в настоящую книгу эссе впервые было опубликовано в январе 2001 года в журнале *Foreign Policy*.

Леонид Никонов, преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул), создатель и глава Центра философии свободы, работающего на территории России и Казахстана. Самый молодой член Общества Мон-Перелин. Темба А. Нолутшунгу, директор южно-африканского фонда свободного рынка, преподаватель, публицист. Один из авторов «Зимбабвийского доклада» (*Zimbabwe Papers*) – программы восстановления экономики страны после катастрофической политики Мугабе.

Том Дж. Палмер, вице-президент Atlas Network, отвечающий за международные программы, старший научный сотрудник Института Катона, член консультативного совета организации «Студенты за свободу». Автор статей по вопросам политики и нравственности в научных журналах, в том числе *Harvard Journal of Law and Public Policy*, *Ethics* и *Critical Review Constitutional Political Economy*, а также в *Slate*, *Wall Street Journal*, *New York Times*, *Die Welt*, *Al Hayat*, *Caixing*, *Washington Post* и лондонском *Spectator*. В 2009 году вышла книга Палмера «Реализация свободы: история, теория и практика либертарианства» («*Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice*»).

Вернон Смит, профессор экономики в Университете Чапмена (Калифорния), один из создателей новой дисциплины – «экспериментальной экономики», лауреат Нобелевской премии. Автор книг «Записки об экспериментальной экономике» («*Papers in Experimental Economics*») и «Торг и рыночное поведение: статьи по экспериментальной экономике» («*Bargaining and Market Behavior: Essays in Experimental Economics*»). Вошедший в настоящую книгу текст представляет собой отрывок из его выступления в Фонде экономического образования в сентябре 2005 года.

Примечания

1

Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books, 1974. P. 163 [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2000. С. 210].

2

- ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера filio
Appleby J. *The Relentless Revolution: A History of Capitalism*. New York: W.W. Norton and Co., 2010. P. 25–26.
- 3
Ostrom E., Shcwab D. *The Vital Role of Norms and Rules in Maintaining Open Public and Private Economies // Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy / Ed. by Paul J. Zak*. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 204–227.
- 4
McCloskey D. *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 48.
- 5
Простое арифметическое объяснение принципа сравнительного преимущества см.: tomgpalmer.com/wpcontent/uploads/papers/The%20Economics%20of%20Comparative%20Advantage.doc.
- 6
Анализ того, как принуждение стало играть все меньшую роль в нашей жизни, см.: Pay neJ.L. *A History of Force*. Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing, 2004.
- 7
Феномену зависти как чувства, вредящего сотрудничеству в обществе и противоречащего рыночному капитализму, уделяли внимание многие мыслители. Интересный подход к проблеме на основе древнеиндийского эпоса «Махабхарата» содержится в недавно вышедшей работе: Das G. *The Difficulty of Being Good: On the Subtle Art of Dharma*. New York: Oxford University Press, 2009. В особенности см. с. 1–32.
- 8
Braudel F. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century: The Wheels of Commerce*. New York: Harper & Row, 1982. P. 232.
- 9
Braudel F. Op. cit. P. 236.
- 10
Blanc L. *Organisation du Travail*. Paris: Bureau de la Societe de l'Industrie Fraternelle, 1847; цит. по: Braudel F. Op. cit. P. 237.
- 11
Engels F., Marx K. *Manifesto of the Communist Party // Engels F., Marx K. Collected Works*. Moscow: Progress Publishers, 1976. Vol. 6. P. 489 [Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 4. С. 429].
- 12
Разгромную критику экономической теории Маркса выдающимся ученым см.: Bohm-Bawerk E. von. *Karl Marx and the Close of his System [1896]*. New York: Augustus M. Kelly, 1949. Более точным переводом названия работы Бем-Баверка было бы «К завершению марксистской системы», поскольку она является откликом на публикацию третьего тома «Капитала» Маркса, завершавшего изложение его экономических воззрений. Следует также отметить, что Бем-Баверк критикует лишь изъяны самой марксистской теории, никоим образом не привлекая к этому результаты «малой революции» в экономической науке, произошедшей в 1870 году. См. также эссе Людвиг фон Мизеса: Mises L. von. *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth // Collectivist Economic Planning / Ed. by F.A. Hayek*. London: George Routledge & Sons, 1935. В нем показана неспособность коллективистскими методами решить проблему экономических расчетов.
- 13
Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Karl Marx: Surveys from Exile: Political writings / Ed. by D. Fernbach*. New York: Vintage Books, 1974. Vol. II. P. 186 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 8. С. 158]. Противоречия и изъяны социально-экономической теории Маркса я рассматриваю в статье: Palmer T.G. *Classical Liberalism, Marxism, and the Conflict of Classes: The Classical Liberal Theory of Class Conflict // Palmer T.G. Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice*. Washington: Cato Institute, 2009. P. 255–275.
- 14
Engels F., Marx K. *Manifesto of the Communist Party...* P. 488 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 428].
- 15
Marx K. *The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte...* P. 222 [Там же. Т. 8. С. 191].
- 16
Ibid. P. 238 [Там же. Т. 8. С. 206].
- 17
Gruner S.M. *Economic Materialism and Social Moralism*. The Hague: Mouton, 1973. P. 189–190.

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера filo

18

См. например: Richman S. Is Capitalism Something Good? [www.thefreemanonline.org/column/rgif/is-capitalism-something-good/].

19

Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 2006. P. 84 [Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2007. С. 462].

20

Boaz D. Creating a Framework for Utopia // The Futurist. 1996. December 24 [www.cato.org/pub_display.php?pub_id=5976].

21

Историк-правовед Генри Самнер Мейн в своем знаменитом определении назвал «переход прогрессивных обществ» от унаследованных отношений, основанных на семейных узах, к личной свободе и гражданскому обществу «продвижением от статуса к контракту» (C Maine H.S. Ancient Law. Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2003. P. 170).

22

Melamed L. Reminiscences of a Refugee // Melamed L. For Crying Out Loud: From Open Outcry to the Electronic Screen. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2009. P. 136.

23

Подробнее я освещаю вопрос о бедности и рыночном капитализме в работе: Palmer T.G. Classical Liberalism, Poverty, and Morality // Poverty and Morality: Religious and Secular Perspectives / Ed. by William A. Galston and Peter H. Hoffenberg. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 83-114.

24

Особенно такой подход характерен для философов; наиболее прискорбный пример представляют собой многолетние неудачные попытки покойного Дж. А. Козна опровергнуть мысленный эксперимент Нозика. Ссылки на статьи Козна и доказательства несостоятельности его критики см Palmer T.G. G.A. Cohen on Self-Ownership, Property, and Equality // Palmer T.G. Realizing Freedom... P. 139-154.

25

Цит. по: Sandel M. Justice: What's the Right Thing to Do? New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2009. P. 61.

26

«Возможным обоснованием принудительной покупки аннуитета с точки зрения принципов либерализма является то обстоятельство, что люди, не заботящиеся о своем будущем, не пострадают от последствий своих собственных действий, но вынудят расплачиваться других. Мы не хотели бы, говорится в оправдание, видеть неимущих стариков, страдающих от безысходной нищеты. Мы поможем им за счет частной и общественной благотворительности. И следовательно, человек, не заботящийся об обеспечении собственной старости, будет опекается обществом. Принуждение его к покупке аннуитета оправдывается не его собственным благом, но благом всех нас» (Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1962. P. 188 [Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2005. С. 217]).

27

Ibid. P. 188 [Там же. С. 217].

28

Объяснение см.: Jasay A. de. Liberalism, Loose or Strict // Independent Review. Vol. IX(2005). № 3. P. 427-432.

29

Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 313.

30

К счастью, нищий был чужестранцем – иначе споры продолжались бы до бесконечности.

31

Лэй Фэн (18.12 1940–15.08 1962) – солдат Народно-освободительной армии Китая, ставший китайским национальным героем после своей гибели в автокатастрофе. Начавшаяся в 1963 году государственная кампания «Учитесь у товарища Лэй Фэна» призывала китайский народ взять за образец его преданность китайской компартии и социализму.

32

Holmes S. The Secret History of Self-interest // Holmes S. Passions and Constraints: On the Theory of Liberal Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

33

Цит. по: Ames C.C. Righteous Persecution: Inquisition, Dominicans, and

ность капитализма. То, о чем вы не услышите от преподавателей. Под редакцией Тома Дж. Палмера *file*
Christianity in the Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania
Press, 2008. P. 44.

34

Теория нравственных чувств. Ч. 3, гл. 2.

35

Там же. Ч. 4, гл. 1.

36

Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 4, гл. 2.

37

Там же. Кн. 4, гл. 8

38

«Специфика экономических отношений связана не с эгоизмом, а с
несамоотреченностью» (Wicksteed P.H. The Commonsense of Political Economy,
including a Study of the Human Basis of Economic Law. London: Macmillan,
1910. Ch. V [<http://oil.libertyfund.org/title/1415/38938/104356>]).

39

Acton H.B. The Morals of Markets and Related Essays / Ed. by David Gordon
and Jeremy Shearmur. Indianapolis: Liberty Fund, 1993.

40

Voltaire. Letters Concerning the English Nation / Ed. by Nicholas Cronk.
Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 43 [Вольтер. Философские
сочинения. М.: Наука, 1988. С. 99-100].

41

Моя дальнейшая аргументация многим обязана идеям Людвиг фон Мизеса (см.:
Mises L. von. Das festangelegte Kapital // Mises L. von. Grundprobleme der
Nationalökonomie. Jena: Gustav Fischer, 1933. S. 201-214; англ. перевод:
Mises L. von. Epistemological Problems of Economics. New York: D. Van
Nostrand, 1960. P. 217-231).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!